

БОГАТЫРИ ВРЕМЕН ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА ПО РУССКИМ ПЕСНЯМ *

«...Се же паки творяще людям своим по вся недели; устави на дворе в гриднице пир творити и приходити болярам и гридем и съцьским и десяцьким и нарочитым мужем, при князе и без князя: бываше множество от мяс и от скота и от зверины, бяше по изобилю от всего» **.

* После того, как была написана эта статья о богатырях великого князя Владимира, появилось в печати много песен, относящихся к этой же эпохе и к тем же лицам, песен, помещенных большею частью в «Известиях Академии» ¹. Песни эти в высшей степени важны и занимательны; они содержат много новых подробностей о богатырях, известных уже, и дают сведения о некоторых новых. С удовольствием можем мы сказать, что очерки богатырей, сделанные нами в нашей статье, подтверждаются и дополняются вновь напечатанными песнями. Но количество этих песен и самая важность их содержания не позволяют нам делать краткие на них указания. Вместо того, мы надеемся, выждав, пока появится еще больше песен, написать об них целую особую дополнительную статью, где постараемся отдать полный отчет о их достоинстве и содержании.

Цель этой статьи не есть исследование или рассуждение о богатырях, а только изложение, возможно полное и стройное, богатырских песен и характеристика богатырей.

** Летопись Нестора ².

Так говорит летопись о великом князе Владимире. Эта приветливая, пиршественная сторона его жизни перешла в народные песни. Владимир удержался в памяти народной, как радушный, ласковый хозяин, к которому всё собиралось на пир, не только из всего Киева, но и со всех сторон русской земли. Владимир созывал «старейшины по всем градам и люди многы»³, говорится в другом месте летописи. И отовсюду сходили к нему гости. — Нераздельно с его пирами соединено сказание о славных богатырях, о могучих гостях Владимира, сказание, удержанное народом и сохраненное им в полнейшем и подробнейшем виде, чем в летописи; летопись упоминает только об Александре Поповиче, Рахдае, о разбойнике Могуте, об Яне Усмошвеце. Но песни говорят о многих других. — Итак, великий князь Владимир, добрый и ласковый, гостеприимный и пирующий, постоянно окруженный гостями и богатырями, пришедшими со всех сторон русской земли, соединяющий всех их около себя и всех радующий приветом и празднеством, — живо остался в памяти и песнях народных с постоянным эпитетом своим «красное солнце», эпитетом, в котором выражается благотворное и вместе всерусское значение великого князя Владимира. В самом деле, с мыслью о нем соединена мысль о все собирающем вокруг себя и во все стороны простирающемся жизненном начале, о том истинном начале жизни, которое даруется православною христианскою верою.

Обратимся теперь к самим песням; скажем наперед, что здесь дело будет идти не об историческом, а о сказочном и песенном Владимире и вообще о целом сказочном мире той эпохи. Но этот сказочный мир также очень важен и состоит в непременной связи и с историческим, он показывает, как взглянул на человека или дело народ, что поразило народную память и воображение.

Предания о богатырях и времени Владимировом находятся в песнях и сказках, отчасти изданных, отчасти записанных, а отчасти живущих только в устах народа. Из всех изданных сборников русских песен самый замечательный — это сборник, означенный именем Кирши Данилова⁴, которое мы за ним и удержим. Он служит главным источником всех сведений наших по части песен о богатырях и времени Владимировом.

Общая поэтическая словесная форма этих сказаний о богатырях есть песня. Но русская наша песня — такая стихотворная форма, которую сами мы еще недовольно себе объяснили. Наша русская песня (т<о> е<сть> народная) не есть определенное стихотворение и не имеет определенного метра, отделяющего ее от прозы. Между русскою прозою и русским стихом нет ярко проведенного рубежа, как то встречается у

других народов. Отдельной, заранее готовой стихотворной формы, в которую можно было бы отливать слова, — нет у нас. Слово само должно отделяться от обыденной речи не поэтической, называемой прозою, и давать себе прямую гармоническую форму, доходить до стиха; так что процесс образования поэтической речи или стиха совершается тут же, и стих возникает из прозы, как скоро поэтическая сила вдохновения подымает слово. Заранее готовой, условной формы стихотворения мы не имеем: но зато мы имеем живое стихотворное слово. Поэтому нельзя найти ровных рамок для русской песни, поэтому нельзя писать русскими стихами (хотя это выражение употребляется писателями), ибо заранее известных форм этих стихов не существует. Надо в самом деле одушевиться гармонией мысли и слова, в самом деле стать поэтом на ту минуту, и слово примет гармонический изящный стихотворный вид; без того поэтическое слово человеку не дано, как дано оно при определенных размерах, наводнивших из чужих стран нашу литературу и расплодивших такое множество стихотворцев. В пример сказанного нами о вдохновенности живого русского слова можем привести грамоту Гермогена⁵, где, говоря о том, как свели царя Василья⁶ с престола, он выражается:

Солгалось про старых то слово,
Что красота граду старые мужи.

В этих строках уже слышен размер — слышна гармония самого слова, и мы нарочно написали их стихами. Подобных примеров довольно в наших грамотах.

Богатырские песни, очевидно, принадлежат к древнему периоду нашей истории; вероятно, были они петы если не при самом Владимире, то вскоре после него. Язык и строй этих песен различается во многом от песен новгородских или от песен Иоаннова времени; при сравнении их живо чувствуешь, что песни Владимировы древнее и по содержанию, и по изложению. Время, конечно, имело на них свое действие, оно нанесло многое на них, и многое прилипло к ним; встречается много анахронизмов, но объяснить их нетрудно. Народ, продолжая петь старые песни о битвах богатырских с врагами, был тревожим новыми врагами, вызывавшими его на новые битвы. Образы этих новых врагов заменяли в его воображении образы врагов древних. Так татары заступили в песнях место печенегов и казар⁷; так вольное и радостное положение великого князя киевского Владимира, сохраняющееся в песнях, смущается последующими отношениями князей русских к Орде. Орда, в песнях, каким-то чудом зашла в мир и эпоху Владимира, но зато видим и понимаем ясно

несообразность ее присутствия здесь; как странно противоречит ясному светлому небу того Владимирова мира эта черная, неизвестно откуда взявшаяся и пугающая туча. Об Орде, впрочем, говорится не везде, но любопытны такие следы дальнейшего хода истории на древних песнях. — Одни стихи особенно живо передают весь ужас татарского нашествия; вот они:

Да из Орды, Золотой земли,
Из тоя Могозеи богатые,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву,
Со своею силою с поганою; —
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Днепра;
Сбиралось с ним силы на сто верст
Во все те четыре стороны!
Зачем мать сыра земля не погнется,
Зачем не расступится?
А от пару было от кониного,
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видит луча света белого.
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть⁸.

Кроме следов общих исторических событий, отдельные понятия и сведения, приобретаемые с течением времени, примыкают к этому самородку народной поэзии. Так, сюда входят названия черкес пятигорских, долгополой сорочины, чукчей, алютор^{8а} (не лютеран, как думали; но так называется и теперь сибирский народ). Так, после копья мурзамецкого, после аравитского золота являются железа немецкие, и наконец говорится о немецких трубках, об игре в шахматы, которая, впрочем, может быть и давно была известна в России; Илье Муромцу часто придается название козака: очевидно, нарост от козацкой эпохи. Что касается до собственных имен, то многие, без сомнения, заменены именами позднейшими. Настасья, Афросинья королевичны, король Золотой Орды Этмануйл (вероятно, Эммануил*) Этмануйлович и проч., и проч., — все это, вероятно, называлось иначе, но самые эти несообразности скорее доказывают древность и подлинность произведения, тем более что они имеют характер исторический; испытующее созерцание отделяет все, неловко приставшее к древним песням; эти позднейшие наросты доказывают только, что песни продолжали петься и в позднейшее время.

При неверностях, которые могут назваться исторически-

* Впрочем, имя Эммануил, кажется, указывает на наши сношения и столкновения с Царегородом.

ми, богатырские песни во многих случаях удивляют свою исторической верностью, показывающей также древнюю их подлинность. Не говорим уже о том, что пиры и богатыри Владимировы имеют за себя ясное историческое свидетельство; есть и другие, более частные сходства с историей. Так, в песнях говорится о Чуриле, как об изнеженном волоките, живущем недалеко от Киева, пониже малого Киевца; место близ Киева и в позднейшие времена называлось Чуриловщиной, и если принять, что малый Киевец значило Подол, то местоположение является верно определенным. Говорится, например, о Ставре боярине из дальней земли, который был заключен Владимиром в темницу в Киеве; жена его зовется Василисою Микулишною; последнее слово ясно указывает на Новгород, где вместо Никола говорилось Микула. В летописи Новгородской мы находим, что Ставр, сотский новгородский, был заключен в темницу в 1118 г., в Киеве, Владимиром же, только не Великим, а Мономахом. В хронологической перспективе времен народ принял двух Владимиров в этом случае за одного, но историческое основание здесь ясно видимо.

Этот сказочный мир дней Владимировых является в отдельных песнях о том или другом богатыре или знаменитом муже, о том или другом подвиге или событии; утвердительно можно сказать, что эти песни не дошли до нас во всей полноте; иная песня, очевидно, представляет отрывок, иная намекает на события, неизвестные нам, и дает чувствовать, что была, может быть, целая эпопея, теперь утраченная в своей целостности. Но во всяком случае, видно и теперь, что все эти рассказы составляют одно живое целое; они соединены между собой не одним каким-нибудь великим событием, собравшим людей около себя, — а жизнью, единством жизни; это целый мир, движущийся и играющий одною жизнью, весь ею проникнутый. Таким образом, перед нами эпопея особого рода, согласная с самим существом русской земли. Мы не видим в ней могущественно движущегося вперед события, не видим увлекающего хода времени; нет, — перед нами другой образ, образ жизни, волнующейся сама в себе и не стремящейся в какую-нибудь одну сторону; это хоровод, движущийся согласно и стройно, — праздничный, полный веселья, образ русской общины. — Этим духом проникнуто, этим образом запечатлено все, что идет от русской земли; такова сама наша песня, таков напев ее, таков строй земли нашей. Если говорить о сравнениях, то не река, текущая куда-нибудь в своих берегах, может служить нам эблемой, а волнующийся, со всех сторон открытый, безбрежный океан-море. Таков в особенности мир Владимировых песен; в этом мире играет и тешит себя молодая, еще никуда событиями не направленная сила. Пиры Владимировы давно прошли; грозным испы-

таниям подверглась богатырская русская сила, но она не сокрушилась, она просторно раздвинула себе границы и пугает не хотя своих соседей. Широко раздолье по всей земле, некогда сказала она, и недаром, — по трем частям света раскинулась Россия. Но далеко еще не кончились подвиги русской силы; не только материальные, но и нравственные подвиги предлежат ей.

Теперь обратимся к народной нашей эпопее... и вот, властью народного долговечного слова, перед нами возникают во всей своей жизни: Киев, пиры бесконечные и могучие витьи, собравшиеся вокруг великого князя Владимира.

Много их сидит на богатырской скамье; не по аристократическому праву породы занимают они это почетное место. Аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси. На богатырской скамье сидит и Ставр, богатый боярин, и Алеша, сын попа, и Иван, сын гостя (купца), и наконец Илья Муромец, крестьянин. Всем им равный почет. Двор князя Владимира всегда открыт: на дворе его княженецком врыты дубовые столбы, в столбы ввернуты булатные кольца. Приезжает богатырь, привязывает ретивого коня к булатному кольцу, потом идет в светлую гридню, молится Спасову образу, кланяется князю со княгиней и на все четыре стороны. — Этот последний, общественный, всем равный, поклон, невольно рисуящий множество народное, удержался и доныне. Великий князь спрашивает богатыря о роде и племени, велит поднести или сам подносит турий рог меду сладкого. Богатырь выпивает, садится на богатырскую скамью и пирует. Среди пированья, в тот час, как будет день в половину дня, будет пир в полупире, Владимир-князь распотешится, ходит по своей гридне, расчесывает черные кудри и предлагает подвиги богатырям. Один из них вызывается, выпивает подносимую чашу, и тогда:

Разгоралася утроба богатырская,
И могучие плечи расходились.

Богатырь едет в дальний путь, на трудный подвиг и прославляет вновь свою богатырскую силу.

Вот общий очерк событий, конечно, различных между собою, нашей народной эпопеи, но содержание ее, как мы сказали, лежит не в событиях, а в жизни самой. Теперь постараемся определить общий характер нашей эпопеи.

Праздник, пир — составляет колорит Владимировых песен; но этот пир, как и вся жизнь, имеет христианскую основу. Христианство есть главная основа всего Владимирова мира. На этой-то христианской основе является богатырская сила и удаль молодого, могучего народа. — Эти пиры, эта

жизнь имеет и всерусское значение; видим здесь собранную всю русскую землю, собранную в единое целое христианскою верою, около великого князя Владимира, просветителя земли русской. Радость, проникнувшая жизнь, после возрождения Христовым учением, является, как праздник, как постоянный братский пир (это особенно ясно из слов летописи). Богатыри, бояре, купцы, крестьяне и всякие гости съехались в Киев со всех сторон. Из Ростова Великого — Алеша Попович и Еким Иванович, из Галича — Казарин Петрович и Дюк Степанович, с юга России — Дунай сын Иванович; Добрыня Никитич — родом из Рязани (по песням); из Великого Новгорода — Ставр-боярин; Чурила — из-под Киева; наконец, из Муромца — Илья Муромец Иванович; о родине других говорится неясно. Могучий, пирующий хор богатырей в то же время хранит землю русскую от врагов и хищников.

Женщины принимают деятельное участие в этой громкой жизни подвигов. Они часто также носят куяки⁹, панцири, кольчуги, также выезжают в поле искать бранных опасностей. Сила их иногда не уступает мужской. Такова Настасья-королевишна, на которой женился Дунай, сестра Афросиньи-королевишны, супруги великого князя Владимира, отличавшейся влюбчивым сердцем. Такова жена Ставра-боярина Василиса Микулишна (Николаевна). Прибавим, в дополнение к этой мужественности женщин, образ, совершенно русский, Царь-девицы; вспомним предания об амазонках, о чешской Власке¹⁰, и все это вместе, утверждая за славянской женщиной независимость и равные права с мужчиной даже в ратном деле, совершенно уничтожает тем самым всякую мысль о рабстве или угнетении женщин у славян.

Отношения богатырей к великому князю почтительны, но неподобострастны; они вольно собрались вокруг него, зовут его красным солнцем, солнцем киевским, охотно служат ему службы; но ни в чем не выражается униженное их отношение к великому князю.

Битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляют внешний строй этой жизни, в которой слышится воля и приволье. Но весь этот шумный мир, еще много хранящий в себе следов недавнего язычества, проникнут уже, как сказали мы выше, лучами Христовой веры. Таким образом, первое и главное, что выдается из этого мира Владимировых песен, — это христианская вера; она постоянно и всюду основа жизни; особенно слышится это в песне о Калине-царе, особенно видится даже и в сказочном образе Ильи Муромца, причтенного в действительной жизни нашей церковью к лику святых. Все богатыри — православные, и постоянно повторяется богатырское присловие, когда приезжает православный витязь к неправославному государю:

Нету у тя Спасова образа,
Некому у тя помолитися, —
А и не за что тебе поклонитися.

Вместе и согласно с началом христианской веры выдается начало семейное, основа всего доброго на земле. Богатыри почтительны к отцу и матери. Так Добрыня, отправляясь на трудный подвиг, просит благословения у матери; так заступает за мать Горден, так с родительским благословением едет на подвиги Илья Муромец. Но особенно ярко проявляется то же начало в позднейшей песне новгородской об удалом Василье Буслаеве; Василий со своей дружиной перебил почти весь Новгород в заранее условленной с ним схватке; тогда мужики (мужи) новгородские идут к его матери просить защиты, она посылает за сыном девушку Черनावушку, та идет, схватывает Василия за руки и тащит к матери, которая сажает его за замки и затворы. Как бы ни старались в слове «тащить» найти другой смысл, отношения сыновние Василия к матери очевидны. Итак, сила богатырская является у нас, осененная чувством православия и чувством семьи: без чего не может быть истинной силы.

Теперь поговорим о самих богатырях в отдельности.

Каждый из богатырей имеет свою особенность, свой определенный, живой, вполне художественный образ, проведенный верно сквозь все песни, где только об нем говорится. Взаимные их отношения очерчены довольно ясно, даже и в том виде нашей эпопеи, в каком дошла она до наших времен, но некоторые намеки дают право думать, что эти отношения должны быть еще живее и определеннее.

Люди, о которых упоминают Владимировы песни, суть следующие: великий князь Владимир, Добрыня Никитич, Чурила Пленкович, Алеша Попович, Иван Гостиной сын, Иван Годинович, Горден Блудович, Дунай сын Иванович, Поток Михайло Иванович, Дюк Степанович, Соловей Будимирович, Михайло Казарин, Ставр-боярин, Бермята Васильевич, старый боярин, Данило Ловчанин, Данило Игнатьевич и сын его Иван Данилович, Илья Муромец, Дмитрий, богатый гость, Гришка Долгополый, боярский сын, Путятин Путятovich, наконец сорок калик со каликою. Упоминаются однажды: Самсон Колыванович, Сухан сын Домантьевич, Святогор, Полкан, семь братьев Сбродовичей, мужики Залешане (Заолешане), два брата Хапиловы. Из враждебных лиц: король Золотой Орды Этмануйл Этмануйлович, король Задонский, Калин-царь, Змей Горыныч, Тугарин Змеевич, Збут Борис-королевич. Женщины: княгиня Афросинья и сестра ее Настасья-королевишна, Марина Игнатьевна Блудова жена, Чесова жена, жена Добрыни Настасья Дмитриевна, грозная Настасья Никулишна, Василиса Микулишна и другие.

Поговорим прежде всех о том, около которого собрались все эти славные богатыри и гости, о великом князе Владимире; повторяем, что мы говорим не об историческом, а о сказочном и песенном Владимире.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Святое крещение, принятое великим князем Владимиром, христианское значение, которое приобрел он для Руси и православия, вытеснило из памяти народной прежнюю языческую жизнь его; народ удержал в своей памяти лишь обновленного христианским учением князя, и хотя в песнях не имеет он ни величавого, ни строгого вида, но зато в нем не встречается и следов языческой жизни. В песнях ни слова не говорится о том женолюбии, которое обладало Владимиром до принятия св<ятого> крещения. В начале песен Владимир является холостым и женится на Афросинье-королевишне, дочери Этмануйла Этмануйловича, короля в Золотой Орде, как говорится в песне. Вероятно, здесь речь идет о византийском императоре, но Орда, как туча, облегшая русскую землю, заслонила от нее все окрестные страны, так что всякий иностранец, тем более всякий враг, становился в наших песнях ордынцем после нашествия татар.

Владимир в песнях не одарен богатырской силой, не имеет даже храбрости, часто смущается и пугается перед бедою; в особенности страшен ему грозен посол из Орды, — одним словом, образ его в песнях вовсе не величав. Но зато образ этот вполне добродушен, но зато привет и ласка — его неотъемлемые качества. Добрая душа греет людей, и страшно-могучие богатыри Владимира, от подвигов которых он иногда не знает сам куда деваться, любят его, служат ему охотно и зовут «красное солнышко, ласковый Владимир-князь!» Постоянно радушный и ласковый хозяин, Владимир является, в песнях, почти всегда на веселом пиру со своими гостями. Большая часть песен начинается так:

Во стольном городе во Киеве,
У славного князя Владимира,
Было пированье, почестный пир,
Было столованье, почестный стол.
На многи князи, бояра,
И на русские могучие богатыри,
И гости богатые.
Будет день в половину дня;
Будет пир во полупире;
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает.

Таков Владимир, но не такова его супруга. Она влюбчива и сластолюбива: лицо совершенно вымышленное. В рассказах о богатырях мы увидим ближе Владимира и супругу его.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Самое название Добрыня уже обрисовывает нрав этого богатыря, — и точно, доброта и прямота — его отличительные свойства. Добрыня — дядя Владимира по летописям и племянник его по песням. В детстве Добрыня пошел купаться на Израй-реку, там унес его Змей Горынчище и хотел сожрать, но Добрыня убил змея, зашел в его пещеру, перервал пополам его детенышей и освободил тетку свою Марью Дивовну, сестру князя Владимира. Позднее, Добрыня постоянно служит великому князю Владимиру как один из самых могучих и надежных богатырей. Песня говорит, что

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова, осударь, князя Владимира,
Три года Добрынюшка стольничал,
Три года Никитич приворотничал.
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятый год погулять захотел.

Гуляя по улицам киевским, Добрыня выстрелил из лука по голубям, сидевшим под косящатым окном на тереме Марины Игнатьевны.

А вспела ведь тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла калена стрела.

Но поскользнулась его левая нога, дрогнула правая рука, не попал он в голубей, а попал в окошко, расшиб зеркало стекольчатое, пошатнулись белодубовые столы, плеснулись питья медвяные. Марина умывалась в это время, сильно разгневалась и, чтобы наказать Добрыню, взяла его следы молодецкие, положила на огонь вместе с дровами и приговаривала, чтобы так же разгоралось сердце у Добрыни Никитича. Приговор подействовал: хлеба не ест и не спит Добрыня. Рано поутру пошел он к заутрене и оттуда пошел на широкий двор к Марине, там увидел он Змея Горынчища (следовательно, Змей ожил, как ту же способность имеет и Тугарин Змеевич) и

Тут ему за беду (*обиду*)* стало.

Добрыня взбежал на красное крыльцо, ухватил бревно в охват толпины, взбежал на сени косящатые. Марина и Змей

* Здесь и далее в скобках и курсивом отмечены пояснительные слова К. Аксакова. — *Прим. ред.*

подняли брань и угрозы на Добрыню, но Добрыня выхватил свою саблю*, и Змей побежал, поджавши хвост, не слушая слов Марины, его удерживавшей. Но Марина в гневе обратила Добрыню в гнедого тура и пустила его далече во чисто поле к девяти другим турам, тоже превращенным богатырям:

Что Добрыня им будет десятый тур,
Всем атаман — золотые рога.

Пропал без вести Добрыня Никитич, но на пиру у князя Владимира расхвасталась Марина своей мудростью и разболтала, что обратила девять богатырей и десятого Добрыню в гнедых туров. Слушали эти речи похваленные и мать Добрыни Афимья Александровна, и крестная мать его Анна Ивановна. Видя горесть матери и сама раздраженная похвалой Марины, Анна Ивановна кинулась на Марину, сбила с ног и била, приговаривая, что она мудренее ее, что она обернет ее сукою:

Женское дело прелестивое,
Перелестивое, перепадчивое.

Марина обернулась касаточкой, полетела в чистое поле, села к Добрыне на правый рог и говорит ему:

Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чистое поле наскучило
И зыбучие болота напрокучили.
Хочешь ли жениться, возьмешь ли меня?

«А право, возьму, ей-богу, возьму, — отвечает Добрыня, — да еще дам тебе поученьице». Обернула Марина Добрыню опять добрым молодцем, сама обернулась девицею; венчались они вокруг ракитова куста — указание на языческий обычай, за которым следовало (как видно из песен) и настоящее христианское венчание. Добрыня, может быть с намерением, или остается только при одном языческом обычае, или не спешит христианским венчанием. Пришел Добрыня вместе с Мариной в ее терем и говорит: «Гой еси, моя молодая жена, у тебя в тереме нет Спасова образа,

Некому у ты помолитися,
Не за что стенам поклонитися.
Чай моя острая сабля заржавела».

* В песнях везде употребляется сабля, а не меч; эта замена, вероятно, следствие козацкого влияния или вообще времен позднейших. Оружие древних славян был меч. Когда козаре пришли войною на поляны и потребовали дани, то поляне дали от дыма меч. Не добра эта дань, князь, сказали своему князю козаре, мы деремся оружием острым с одной стороны, т<о> е<сть> саблями, а их оружие обоюду остро, то есть меч. (П<олное> с<обрание> р<усских> л<етописей>. Т. 1, стр. 7.)

Сказав это, начал Добрыня учить свою жену. Первое ученье — отрубил ей руку, приговаривая: «Не надобна мне эта рука, трепала она Змея Горынчища», — потом, также приговаривая, отрубил ей ногу, наконец и голову с языком, сказавши:

А и эта голова мне ненадобна,
И этот язык мне ненадобен;
Знал он дела еретические.

Такая строгая казнь, совершенная с полным спокойствием Добрынею, не может служить определением его нравственного образа и кидать на него тень обвинения в жестокости. Это обычай всех богатырей того времени; будучи не личным делом, а обычаем, подобный поступок лишен злобы и свирепости, вытекающих уже из личного ощущения. Где постоянно играют палицы, копья и стрелы, там главное дело подвиг, а жизнь становится делом второстепенным, и большего уважения к ней не оказывается. Надобен уже личный подвиг духа, чтобы возвыситься над воззрением, зависимым от своего времени, к истине воззрения, независимого ни от какого времени. Добрые и прямые, но часто суровые, богатыри все подчинены своему времени, в нем ходят и действуют. Один из них стоит выше всех их, и по силе руки, и по силе духа, один возвышается над удалым временем разгула силы физической, один как можно реже прибегает к ней, один вполне щадит жизнь человека и вполне благодушен и кроток — это крестьянин, богатырь Илья.

Что поступок Добрыни с Мариною и другие в подобном роде не мешают ему быть добрым — в доказательство тому служит песня об нем и Василии Казимировиче, помещенная в 1 томе «Московского сборника». В этой песне великий князь Владимир посылает Василия Казимировича отвезти дани и пошлины к Батыю-царю (позднейшая вставка). Батый-царь, не обращая внимания на принесенные дани и пошлины, спрашивает у Василия Казимировича: «Нет ли с ними умильна (умельца от слова: уметь) игрока поиграть в тавлеи вальящатые"?» Добрыня садится играть с царем и скоро выиграл игру. Тогда царь Батый предлагает бороться с его татарами; Добрыня опять выходит; против Добрыни три бойца татарина. «Батый царь, — говорит Добрыня, — как прикажешь ты мне бороться: со всеми ли вдруг, или по одиночке?» — «Как хочешь, так и борись», — отвечает царь. Добрыня всех трех бросил о землю. Тогда Батый предлагает стрелять из лука. Добрыня опять выходит; Батый велит принести лук, Добрыня натягивает, лук ломается, Добрыня требует свой дорожный лук. Натянув его, он спрашивает: «Царь Батый, куда стрелять, по татарам или в чистое поле?» — «Куда хо-

чешь», — отвечает царь. Но если царю Батыю все равно, то Добрыне не все равно; ему жалко стало стрелять по татарам, и он выстрелил в чистое поле по дубу. Стрела расшибла дуб:

Еще стрела не уходилася,
Залетела в пещеру белокаменную,
Убила змия троеглавого.
Скочили ребята на добрых коней,
Нé дали ребята ни дани, ни пошлины;
Уезжали ребята в стольный Киев-град*.

Мы видим здесь, что Добрыня щадит жизнь неверных врагов, хотя сам их царь дает ему позволение стрелять по ним.

Однажды на пиру, во полупире, распотешился Владимир и сказал: «Не может ли кто из богатырей очистить дорогу прямоезжую до его любимого тестя, грозна короля Этмануйла Этмануйловича?» — Для этого надобно вырубить чудь белоглазую, прекротить (укротить или уничтожить) сорочину долгополую, черкес пятигорских, калмыков с татарами, всех чукчей и алютор.

Втапоры большой за меньшего хоронится,
А от меньшего ему, князю, ответа нет.

Из скамьи богатырской выступает Добрыня Никитич.

Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владимир-князь!
Я сослужу службу дальнюю,
Службу дальнюю, заочную.

Добрыня берется все исполнить, выпивает поднесенную ему чару зелена вина в полтора ведра и турий рог меду сладкого в полтретья ведра и идет к матушке просить благословения великого. «Благослови меня, матушка!» — говорит он ей, —

Дай мне благословение на шесть лет,
Еще в запас на двенадцать лет.

Мать говорит ему, — как хороши ее простые слова:

На кого покидаешь ты молодую жену,
Молоду Настасью Никулишну?
Зачем же ты, дитятко, и брал за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успел ты отпраздновать радости своей, —
Да перед князем расхвастался в поход идтить.

* «Московский сборник», т. 1, стр. 336—341. Слово *ребята* не употребляется о богатырях у Кирши Данилова, там оно значит *дети*, *сыновья*¹². — Следующая песня о Добрыне из «Сборника» Кирши Данилова.

«—Что же мне делать и как же быть, сударыня матушка, — отвечает Добрыня, — из чего же нас богатырей князю и жаловать?» Мать дает ему свое благословение великое. Добрыня идет прощаться с молодой женой:

«Жди меня, Настасья! шесть лет, —

говорит он ей, — не дожدهшься, — жди двенадцать, потом иди, хоть за князя, хоть за боярина, —

Не ходи только за брата названого,
За молодого Алешу Поповича».

И поехал Добрыня. Ездит неделю, ездит другую и делает свое дело; рубит чудь белоглазую, сорочину долгополую и прочих:

Всяким языкам спуску нет.

Совершил Добрыня свой подвиг. Между тем прошло шесть, потом и двенадцать лет; «никто на Настасье не сватается». Посватался великий князь Владимир за Алешу Поповича. Настасья согласилась, и свадьба поехала к венцу. Въезжает в это время Добрыня в Киев и едет по улицам; старые люди переговаривают между собою:

Знать де полетка соколиная,
Видеть и поездка молодецкая:
Что быть Добрыне Никитичу.

Приехал Добрыня на свой двор, соскочил с коня, привязал его к дубовому столбу, к кольцу булатному. Некому встретить Добрыню; стара уже его матушка. Идет Добрыня в светлую гридню, молится Спасову образу, кланяется своей матушке. «— Здравствуй, сударыня матушка, — говорит он ей, —

В доме ли женушка моя?»

На этот вопрос сына заплакала мать и сказала: «Чадое мое милое, твоя жена замуж пошла за Алешу Поповича. Они теперь у венца стоят». Ни слова Добрыня; идет показаться великому князю. В то время воротился Владимир от венца со свадьбою, и сели пировать за убраные столы. Добрыня приходит на пир, молится Спасову образу, кланяется князю и княгине и на все четыре стороны. «Здравствуй, Владимир-князь, — говорит он, — и с душой княгиней Апраксеевной.

Сослужил я, Добрыня, тебе, князю, службу заочную,
Съездил в дальны Орды немирныя
И сделал дорогу прямоезжую
До твоего тестя любимого.

Я вырубил чудь белоглазую, прекратил сорочину долгопую, черкес, калмыков, татар, чукчей всех и алютор». — «Исполать тебе, добрый молодец! — сказал Владимир, — что служишь князю верою и правдою». Тогда Добрыня сказал:

Гой еси, сударь мой дядюшка,
Ласково солнце, Владимир-князь!
Не диво Алеше Поповичу —
Диво князю Владимиру:
Хочет у жива мужа жену отнять.

Тогда засуетилась Настасья, хочет прямо прыгнуть к Добрыне и обесчестить столы. «Душка Настасья Никулишна! — говорит ей Добрыня, —

Прямо не скачи, не бесчести столы;
Будет пора — кругом обойдешь».

Взял тогда Добрыня за руку жену и вывел из-за убранных столов; извинился перед князем Владимиром, да и Алеше Поповичу сказал такое слово:

Гой еси, мой названный брат,
Алеша Попович млад!
Здравствуй, женившись, да не с кем спать.

Нам известен весьма замечательный вариант этой прекрасной песни. В варианте многое изменено, иное добавлено. Первоначальной основой песни мы считаем помещенную в «Сборнике» Кирши Данилова, но, вероятно, и она дошла до нас не в настоящем своем виде; по крайней мере думаем, что в ней должны были находиться те добавления, которые встречаются в той же песне, в варианте нам известном: изменения, в ней находящиеся, сами по себе прекрасны, но излагать подробно варианта этой песни мы не намерены, ибо недавно была она предложена читателям («Р<усская> Б<еседа>», № 1) и, без сомнения, прочтена ими с заслуженным ею полным вниманием; укажем только на добавления и главные изменения¹³.

Когда Добрыня прощается с женой и позволяет ей выйти хоть за князя, хоть за боярина, только не за Алешу Поповича, в варианте прибавлено так:

...хоть замуж иди
Хоть ты за князя, иль за боярина,
Иль за гостя за торгового,
Иль за мурзынку за татарина; —
Не ходи за Алешу за Поповича,
За бабьего пересмешничка,
За судейского перелестничка.

Эти слова, дополняя характер Алешу Поповича, объясняют, почему так он противен Добрыне. Сильному мужу, да и всякому мужчине в полном смысле этого слова, презрителен

бабий пересмешник, забавляющий их своими пересмехами, или бабий шут. Судейский *перелестник* то же, что прелестник; слово: прелесть употреблялось в смысле соблазна в древнем нашем языке; слово же *лесть* почти то же, что *ложь*. Здесь перелестник употреблено в древнем значении: перелестник судейский тот, кто *перельщает* (прельщает) судей, т<о> с<сть> кто соблазняет их чем бы то ни было или обманывает: еще низкая черта Алеши, возмущающая чистую душу Добрыни. Как в одном этом отзыве Добрыни об Алеше оба богатыря живо и характерно обрисованы!

К числу добавлений можно отнести слова Добрыни, которыми заключается песня, помещенная в «Русской беседе». В песне (Сб<орник> К<ирши> Д<анилова>) сказано только: извинился князю Владимиру и сказал Алеше Поповичу и т. д.; здесь нет слов, сказанных Алеше Поповичу, но есть слова, сказанные Владимиру, которые могли быть и в песне древнего сборника, в них слышна насмешливая шутка, очень здесь уместная; вот эти слова Добрыни:

Кланяюсь я к себе на почестный пир;
У меня дело не пасеное,
Зелено вино не куренное
И пойлицо не вареное.

Песня во многом изменена. Добрыня едет не службу служить князю Владимиру, а погулять и поискать себе противника; уезжает на двенадцать лет, жена идет замуж за Алешу, не дождавшись назначенного срока. Добрыню извещает об этом конь его. Добрыня падает коню в ноги и просит *переставить домой* (как хорошо это выражение!) через три часа с минутою. Конь исполняет его просьбу. Узнав от матери, что жена пошла замуж за Алешу, Добрыня идет на пир к Алеше, *потихохоньку-посмирнехоньку*, переодевшись, вероятно, ибо его там не узнают, идет с гуслиями, играет два наигрыша; после второго наигрыша, в котором заключается намек на настоящее обстоятельство, жена догадывается и подносит ему чару зелена вина, которую Добрыня опоражнивает, берет жену за руку и говорит слова, выше нами приведенные. У Алеши на свадьбе Владимир тысяцким, а дружкой Илья Муромец.

Песня «Сборника» К<ирши> Д<анилова> древнее и гораздо более совпадает с тоном и ходом остальных богатырских песен; в ней более древних приемов речи и оборотов языка, и мы, как сказали, считаем ее подлинною и основною. Впрочем, песня, признаваемая нами за вариант, также несомненно далекой древности, и сложена была, вероятно, вскоре за первой песней. Удивительно и отрадно, что песня эта поется и что весь древний вид слова и поэзии живет неизменно в устах народа.

Алеша Попович родом из Ростова. Лицо совершенно иного нрава. Этот богатырь — хитрый плут, берет обманом и скоро готов на худое дело. В песнях, не вошедших сюда, он упоминается как бессовестный соблазнитель. Но с Алешей Поповичем есть другой богатырь, Еким Иванович. Еким Иванович — это страшная, но смирная и безответная сила, всегда находящаяся в услугах у других богатырей. Он гораздо сильнее Алеши Поповича, но как будто сам этого не знает; в дело сам собой он без крайности не пускается, а спрашивает у Алеши, как он велит. Сам Дунай берет его с собою, предпочитая целой дружине. Алеше Поповичу он очень выгоден; он пользуется Екимом, как верным мечом, который никогда не подумает присвоивать себе своих подвигов: Еким — его работник не только в деле военном; он заботится и о конях, пускает их в луг, поит. Еким полезен Алеше, когда нужно прочитать что-нибудь: Алеша не знает грамоты, Еким, напротив, грамоте учен. Не имеет ли какого-нибудь соотношения с этим богатырем поговорка: *Еким простота?* — Алеша Попович упоминается часто в песнях; но одна посвящена собственно ему:

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясны соколы вылетывали,
Выезжали два могучие богатыря:
Что по имени Алешенька Попович млад,
А со молодым Екимом Ивановичем.
Они ездят богатыри плечо о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.

Ничего не наехали в чистом поле богатыри, не видали ни птицы перелетной, ни зверя прыскачег; они наехали в чистом поле только на три широкие дороги; между трех дорог лежит горюч камень, а на камне подпись. «Братец, Еким Иванович, — говорит Алеша, — ты в грамоте поученый человек, посмотри, что на камне подписано». Еким соскочил с коня и прочел. Три дороги были расписаны на камне: одна — в Муром, другая — в Чернигов, третья — в Киев, ко ласкову князю Владимиру. «Которой дорогой изволишь ехать, братец Алеша Попович?» — спрашивает Еким. — «Лучше нам ехать к Киеву, ко ласкову князю Владимиру», — отвечает Алеша. Богатыри поворотили добрых коней и поехали к Киеву. Не доехав до Сафат-реки, они остановились покормить коней на зеленых лугах и поставили два белые шатра. Алеша лег *опочив держать*. Спустя немного времени, стреножив коней и пустив их на зеленый луг, лег и Еким в свой шатер отдыхать. Прошла осенняя ночь.

Рано встает Алеша, умывается утренней зарей (росой на заре), утирается белой ширинкой, на восток молится богу. Скоро сходил за конями Еким Иванович, сводил их попоить на Сафат-реку, и Алеша приказал ему скорее седлать коней. Богатыри собираются продолжать путь свой к Киеву, тут приходит к ним калика перехожий (странник, как говорит теперь народ). «Удалые молодцы, — говорит он им, — я видел Тугарина Змеевича; в вышину он трех сажен, промежу плеч кося сажень, промежу глаз калена стрела,

Конь под ним — как лютый зверь;
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит».

«Братец, калика перехожий, — пристал к нему Алеша, —

Дай мне платье каличье,
Возьми мое богатырское;

дай мне твою подорожную шелепугу». — Калика не отказывает. Они меняются платьем. Алеша берет шелепугу в пятьдесят пуд (другая была в тридцать) и идет на Сафат-реку. Тугарин завидел его, заревел зычным голосом; дрогнула зеленая дуброва. Алеша Попович едва жив идет; Тугарин спрашивает Алешу: «Калика перехожий! где видел, где слышал ты про молодого Алешу? Я бы его копьем заколол и огнем спалил». — «Тугарин Змеевич, — отвечает Алеша, прикинувшись каликою, — подъезжай поближе ко мне; я не слышу, что ты говоришь». — Тугарин подъехал; Алеша поровнялся с ним, ударил его шелепугой по голове и расшиб ему голову. Упал Тугарин: Алеша вскочил ему на черную грудь, и Тугарин взмолился: «Калика перехожий! не ты ли Алеша Попович? Если ты, то побратаемся!» Алеша не поверил врагу, отрезал ему голову, снял с него цветное платье, надел на себя, сел на его коня и поехал к своим белым шатрам. Еким Иванович и калика перехожий увидали едущего Алешу, не узнали, в испуге вскочили на коней и поскакали к Ростову. Нагоняет их Алеша. Тогда Еким обернулся и, думая, что за ними скачет Тугарин, выхватил боевую палицу в тридцать пуд и кинул в Алешу позадь себя; палица угодила в грудь, вышибла Алешу из седла, и упал он на землю. Еким соскочил с коня, кинулся к врагу, чтоб распороть ему грудь (обыкновенный прием у всех богатырей), и увидал на груди его золотой крест. Тогда догадался Еким, заплакал и сказал калике: «По грехам случилось надо мною: я убил своего брата названного». Стал Еким с каликой трясти и качать Алешу, дали ему заморского питья, — и Алеша встал здоровым. Он обменялся опять с каликой платьем. Уложили в чемодан платье Тугариново, сели на коней, и все поехали к Киеву, к ласкову князю Вла-

димиру. Приехали в Киев на княжеский двор, соскочили с коней, привязали их к дубовым столбам и пошли в светлые гридни.

Молятся Спасову образу,
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне,
И на все четыре стороны.

Князь Владимир говорит им: «Добрые молодцы! скажите, как вас по имени зовут: по имени можно вам дать место, по отчеству можно пожаловать». — «Меня, государь, — отвечает Алеша, — зовут Алешкою Поповичем; я из Ростова, сын старого попа соборного». — «Алеша Попович, — говорит ему Владимир, обрадовавшись, — садись по отчеству в большое место, в передний уголок; в другое место богатырское, в дубовую скамью против меня; в третье — куда сам захочешь». Итак, Владимир дает ему у себя три места, из которых первое по отчеству, по отцовской чести, а второе по личным заслугам, и, наконец, в-третьих — право сесть где угодно; Алеша воспользовался этим правом, не сел в первые два места, а сел с своими товарищами на полатный брус. Спустя немного времени, двенадцать богатырей несут на доске из красного золота Тугарина Змеевича и посадили его в большое место. Подле Тугарина сидела княгиня Апраксеевна. Итак, Тугарин ожил; это ничего, это в песнях сплошь да рядом; но как он явился на пиру у князя Владимира? Это появление несколько странно; но, во-первых, оно, вероятно, объясняется в самих песнях, мы не имеем их, по крайней мере до сих пор, во всей полноте; может быть, Тугарин был прежде знаком Владимиру. Во-вторых, в открытые палаты князя Владимира, на пир его, всем открытый, мог явиться всякий, тем более богатырь; следовательно и Тугарин. Продолжаем рассказ. — Догадливые повара понесли яства сахарные и питья медвяные заморские. Гости стали пировать. Тугарин нечестно (не почтительно, не с уважением) хлеба ест; мечет за щеку по целой ковриге, а ковриги монастырские¹⁴; нечестно он и пьет: отхлестывает по целой чаше в полтреть ведра; смотрит Алеша с своего полатного бруса и говорит: «Ласковый Владимир князь!

Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесанный?
Нечестно у князя за столом сидит,

насмехается тебе, князю. А у моего сударя-батюшки была собачища старая, насилу таскалась по подстолюю, и подавилась костью та собака; я схватил ее за хвост да бросил под гору: Тугарину то же от меня будет». Почернел Тугарин при этих словах, как осенняя ночь; стал светел Алеша, как светлый месяц. Опять понесли кушанья повара и принесли бе-

лую лебедь. Княгиня стала резать белую лебедь, обрезала левую руку, завернула рукавчиком, опустила под стол и сказала: «Княгини, боярыни! или мне резать лебедь, или смотреть на милую жизнь мою, на молодого Тугарина Змеевича». А Тугарин взял белую лебедь и всю вдруг проглотил, да еще тут же ковригу монастырскую. Заговорил опять Алеша на полатном брису: «Ласковый Владимир князь!

Что у тебя за болван сидит?
Что за дурак неотесанный?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест:
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил;
У моего сударя-батюшки,
У Федора попа Ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася;

забилась она на поварню к поварам, выпила чан пресной браги, да с него и лопнула; я взял ее за хвост да бросил под гору; Тугарину то же от меня будет». Потемнел опять Тугарин, как ночь осенняя, выхватил булатное чингалище и бросил в Алешу. Алеша был верток и увернулся от удара, чингалище подхватил Еким Иванович и сказал Алеше: «Сам в него бросаешь или мне велишь?» — «Сам не бросаю и тебе не велю, — говорит Алеша, — завтра я с ним переделаюсь. Я бьюсь с ним о великий заклад: не о сте¹⁵, не о тысяче рублей, а об своей буйной голове». Вскочили на ноги, услышав эти слова, князя и бояре, все спешат принять участие в закладе, все уверены в победе Тугарина, все за него держат большие деньги. Один владыка Черниговский держит за Алешу. Тугарин вышел вон, сел на коня и поднялся на крыльях *бумажных* летать под небесами. Вскочила княгиня и стала пенять Алеше, что не дал посидеть милому другу. Не стал ее слушать Алеша, поднялся с товарищами и вышел вон. Они сели на коней, приехали на Сафат-реку и, пустивши коней в зеленые луга, легли спать. Алеша не спал всю ночь и со слезами молился богу: «Создай, боже, тучу грозную, тучу с градом и дождем».

Алешины молитвы доходны ко Христу:

дает господь бог тучу с градом и дождем, замочило у Тугарина бумажные крылья, и упал он, как собака, на землю. Еким пришел к Алеше и сказал, что видел Тугарина на земле. Алеша скоро снарядился, сел на коня, взял одну острую саблю и поехал к Тугарину. Увидал Тугарин Алешу и заревел зычным голосом: «Молодой Алеша Попович! хочешь ли, я спалю тебя огнем? хочешь, конем стопчу или копьём заколю?» — «Молодой Тугарин Змеевич! — отвечает Алеша, —

ты бился со мной о великий заклад, драться один на один, а за тобой теперь силы и сметы нет на меня, на Алешу». Тугарин оглянулся назад; в то время Алеша подскочил и срубил ему голову: упала голова на землю, как пивной котел. Алеша соскочил с коня, отвязал чембур, проколол уши у головы Тугарина, привязал к коню и привез в Киев на княженецкий двор; среди двора бросил он голову. Князь Владимир увидел Алешу, повел его в светлые гридни, посадил за убранные столы, и пошел пир для Алеши Поповича. Среди пира сказал Владимир своему гостю: «Молодой Алеша Попович! ты дал мне свет в один час. Живи в Киеве, служи мне, князю Владимиру, я стану тебя вдоволь жаловать». Алеша не ослушался и стал служить князю верою и правдою. Но княгиня бранила Алешу, что он разлучил ее с ее милым другом, с молодым Тугарином Змеевичем.

Вот единственный славный подвиг, совершенный богатырем Алешей Поповичем, единственный, о котором упоминают наши песни; в этой песне как будто воздается возможная честь Алеше, но и здесь правдивое народное слово выставляет Алешу в настоящем свете, таким, каков он есть: оба раза, как видим, победа досталась ему по милости обмана, конечно дерзкого. В оба раза не решился он выступить на открытый честный бой. Добрый и всегда послушный Еким, который сшиб по ошибке Алешу с коня, очевидно его сильнее. Впрочем, в дерзости у Алеши нет недостатка. Хотя в песнях не сохранилось об Алеше еще какого-нибудь рассказа, но песни во многих местах дополняют его характер. Так Добрыня (см. выше), уезжая, позволяет жене своей выдти, после известного срока, за кого ей угодно, хоть за татарина, только не за Алешу, за бабьего пересмешника — выражение очень меткое и выказывающее все презрение истинного мужчины к такого рода людям. Кроме того, тут же называется он судейским перелестником, соблазнителем, подкупающим судей, следовательно, человеком безнравственным. Так в прекрасной песне: «Сорок калик со каликою», напоминающей отчасти Иосифа Прекрасного и Пентефрию¹⁶, Алеша выступает с очень невыгодной стороны. — Сорок калик со каликою из Боголюбова монастыря идут на богомолье в Иерусалим; близ Киева встречают они князя Владимира, который охотится за зверьми и птицами; с князем Добрыня. Калики просят у князя святую милостыню. «Мне нечего вам дать, — отвечает Владимир, — я здесь потешаюсь охотою, а ступайте вы в Киев к княгине». Калики приходят и просят у княгини милостыни. Княгиня их угощает. Калики собираются в путь и просят наделить их в дорогу золотом. Но у княгини не то на разуме. Атаман калик ей очень понравился, и она посылает Алешу Поповича (как видно, он уже в ладах с княгинею) уговорить атамана прийти к ней

посидеть в долгий вечер, поговорить забавные речи. Алеша стал уговаривать, но не уговорил Алеша благочестивого атамана и получил отказ. Княгиня осердилась и послала Алешу прорезать суму у атамана и положить туда серебряную чарочку, которою князь пьет на приезде. Алеша исполнил поручение и зашил гладко суму; как только пошли калики, не простившись с княгиней, она послала Алешу в погоню за ними. Он нагнал их.

У Алеши вежество не рожденное (*не природное*). —

говорит песня. Он до того дошел в своей наглости, что, зная все дело, завел ссору с каликами, начал ругать их ворами и разбойниками: «Вы-то, калики, бродите по крещеному миру, что украдете, своим зовете; обокрали вы княгиню». Калики не дали ему себя обыскивать, и Алеша, поворчав, поехал к Киеву. В то время как приехал Алеша, приехал с охоты и Владимир, и с ним Добрыня. Княгиня посылает Добрыню за каликами. Добрыня, не знающий ничего об этом деле, не ослушался на сей раз княгини, поехал и настиг калик в чистом поле.

У Добрыни вежество рожденное (*природное*) и ученое.

Он соскочил с коня, сам бьет челом и просит атамана, чтоб он не навел на гнев князя Владимира.

Прикажи обыскать калики переходящие,
Нет ли промежу вас глупого?

Калики исполняют его просьбу.

Мы не рассказываем всей этой прекрасной песни, ибо она не относится к нашей задаче, т<о> е<сть> к песням собственно богатырским. Мы взяли из нее, что нужно было нам для определения характера Алеши. Здесь ярко обрисован Алеша, грубый и бесчестный, и тем ярче, что рядом с ним честный и вежливый Добрыня. Вспомним также, что Илья Муромец (см. в 1 т. «М<осковского> С<борника>») ¹⁷ не хочет, чтобы Алеша шел драться с козарским богатырем, ибо Алеша корыстолюбив, заглядится на золото и серебро и будет побит. Наконец, в двух неизданных песнях, находящихся в знаменитом драгоценном собрании «русских песен» П. В. Киреевского, Алеша является как бессовестный соблазнитель. Илья Муромец, встретив девицу, обманутую Алешей, говорит: «Я не знал прежде того, а то бы я с Алешей переведался и снес бы я Алеше буйну голову».

Итак, лицо Алеши Поповича очерчено очень явственно, очень живо и полно; очень верно сохранена характеристика

дерзкого и ловкого обманщика, но вовсе не храброго воина, бабьего пересмешника и вместе готового на всякое худое дело.

ДУНАЙ

Не похож Дунай на других богатырей: очевидно, пришелец из чужих стран, буйный духом, он отличается какой-то особой горделивой осанкой. Об нем известна одна только песня, в которой рассказывается о женитьбе великого князя Владимира. В этой песне, очевидно, являются намеки на какую-то прежнюю жизнь Дуная, намеки, неясные для нас, но без сомнения ясные для тех, кем и кому пелись песни, ибо эти намеки — как бы что-то известное. В одном месте Дунай говорит сам о себе, что он служил в семи ордах, семи королям. Удалой дружинник, Дунай наконец остался в службе православного князя Владимира, и сам является уже православным витязем. Так рассказывает песня о женитьбе князя Владимира и о подвигах Дуная.

В стольном городе Киеве, у ласкова князя Владимира, было пированье-почестный пир, было столованье-почестный стол. Много на пиру было князей и бояр и русских могучих богатырей.

А и будет день в половику дня,
Княжеский стол во полустоле;
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Черные кудри расчесывает.

И говорит такое слово: «Князи, бояре, могучие богатыри!

Все вы в Киеве переженены,
Только я, Владимир-князь, холост хожу,
А и холост я хожу, не женат гуляю;

а кто знает мне *сопротивницу*? (слово замечательное, т<о> е<сть> ту, которая была бы *сопротив* меня, мне равная, как говорится, на примере: *он супротив его не будет*, т. е. он ему не равен, он ему не пара; здесь удержан в слове еще особенный оттенок противоположности). Кто знает мне *сопротивницу*? — говорит Владимир. — *Сопротивницу* знает, красную девицу, статную станом, совершенную умом, белое лицо у ней, как белый снег, щеки, как маков цвет, черные брови, как соболи, ясные очи, как у сокола?» — На вопрос князя большой прячется за меньшего, от меньшего нет ответа князю. Тогда из стола княженецкого, из скамьи богатырской выступил Иван Гостиной сын, вскочил на богатырское место и сказал зычным голосом: «Ласковый Владимир-князь! благо-

слова пред тобою слово молвить. Я, Иван, бывал в Золотой Орде, у грозного короля Этмануйла Этмануйловича; видел я в доме у него двух дочерей; первая дочь — Настасья, вторая Афросинья;

Сидит Афросинья в высоком терему,
За тридцать замками булатными;
А и буйные вихри — не вихнут на нее,
А красное солнце — не печет лицо».

Иван описывает ее красоту словами самого Владимира и прибавляет: «Посылай, государь, Дуная свататься». Владимир велел налить чару зелена вина в полтора ведра и поднести Ивану за хорошие слова. Призывает Владимир в спальню к себе Дуная и говорит ему: «Дунай сын Иванович! Сослужи мне службу заочную: съезди в Золотую Орду к грозному королю Этмануйлу Этмануйловичу, для доброго дела, для сватанья, на его любимой дочери, на Афросинье-королевишне; бери моей золотой казны, бери триста жеребцов и могучих богатырей». Сказав это, Владимир подносит Дунаю в полтора ведра чару зелена вина и в полтретья ведра турий рог сладкого меду; Дунай выпил и чару зелена вина, и турий рог меду сладкого. Разгорелась утроба богатырская, и расходились могучие плечи у Дуная, и Дунай говорит: «Ласковое солнце, Владимир-князь! Не надо мне твоей золотой казны, не надо трех сот жеребцов, не надо могучих богатырей. Дай одного мне молодца, Екима Ивановича, который служит Алешке Поповичу». Владимир-князь тотчас сам руками привел Екима к Дунаю. Поехали богатыри; едут неделю, другую и приехали в Золотую Орду. Соскочили они середь королевского двора, привязали коней к дубовому столбу и пошли в белокаменную палату. «Король в Золотой Орде! — говорит Дунай, —

У тебя ли во палатах белокаменных
Нету Спасова образа:
Некому у тя помолитися,
А и не за что тебе поклониться».

Король говорит на это Дунаю, а сам усмехается: «Дунай сын Иванович!

Али ты ко мне приехал по-старому служить и по-прежнему?»

«Король в Золотой Орде! — отвечает Дунай, — приехал я к тебе не по-старому служить и не по-прежнему. Я приехал к тебе для доброго дела, для сватанья. На твоей дочери Афросинье хочет жениться князь Владимир». Оскорбился (почему-то) этим король, рвет на голове черные кудри, бросает их о *кирпищет* пол¹⁸ и говорит: «Дунай сын Иванович! Если бы ты не служил у меня верою и правдою, я бы велел посадить тебя

в погреба глубокие и уморил бы голодною смертью за твои бездельные слова». Оскорбился Дунай, разгорелось богатырское сердце; он обнажил саблю и сказал: «Король Золотой Орды! Если б я у тебя в дому не бывал, хлеба-соли не едал, ссек бы по плечи тебе буйную голову». Король заревел зычным голосом; борзые псы заходили на цепях. Псами затравить Дуная хочет король. «Еким Иванович! — кричит Дунай, —

Что ты стал, да чего глядишь?
Псы борзые заходили на цепях».

Еким бросился опрометью на широкий двор; *мурзы, уланы* не допускают Екима до доброго коня, до тяжелой палицы медной. Не попала Екиму палица железная, попала ему ось тележная; зачал ею помахивать Еким, со всех сторон валяются враги; перебил Еким множество людей и избил пять сот кобелей медеянских.

Видя это, король закричал зычным голосом: «Дунай Иванович!

Уйми ты своего слугу верного;
Оставь мне силы хоть на семена,

бери мою любимую дочь Афросинью». Дунай оставил Екима и пошел к высокому терему, где сидит Афросинья за тридцатью замками булатными, где

Буйные ветры не вихнут на нее,
Красное солнце лица не печет.

У этих палат были железные двери; крюки и пробой были по булату злачены. Дунай стал перед замкнутыми дверями и сказал: «Хоть ногу изломить, а двери выставить!» Он пнул в железные двери, сломались булатные крюки, и все палаты зашатались. Из дверей бросилась испуганная девица, как угорелая, и хочет целовать Дуная в уста. Дунай сказал: «Афросинья-королевишна! как

Ряженой кус — да не суженому есть!
Не целую я тебя в сахарные уста.
А и бог тебя, красную девицу, милует:
Достанешься ты князю Владимиру».

Дунай взял ее за правую руку и повел из палат на широкий двор. Богатыри и красная девица хотели уже садиться на коней, как спохватился тут король Золотой Орды и просит Дуная, чтоб он подождал его мурз и уланы. Дунай исполняет его просьбу, и король отправляет своих мурз и уланы везти за Дунаем богатое приданое: золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни. Скоро собравшись, все поехали к городу

Киеву; едут неделю, едут другую; тут же везут и золотую казну. Не доехав ста верст до Киева, наехал Дунай бродучий след; взманил его этот след, и Дунай стал наказывать Екиму:

Гой еси, Еким сын Иванович!
Вези ты Афросинью-королевишну
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру, —
Честно, хваљно и радостно.
Было бы нам чем похвалиться
Великому князю во Киеве.

Сказав это, сам Дунай поехал по свежему бродучему следу; едет он трое суток,

В четвертые сутки след дошел.

На потешных лугах, куда всегда ездит Владимир-князь охотиться, стоит белый шатер; в шатре держит опочив красная девица. Эта красная девица — Настасья-королевишна, сестра Афросиньи; другую жизнь вела она и сильным витязем ездила вольно по полям. Дунай вынул из налучна тугой лук, из колчана калену стрелу, вытянул за ухо калену стрелу с тетивою и хлестнул по сыру дубу; вспела тетива, дрогнула земля от богатырского удара; стрела угодила в дуб,

Изломала его в черенья ножевые ¹⁹.

Как угорелая, бросилась девица из шатра; Дунай ударил ее, сшиб с ног и выдернул булатное чингалище ²⁰, чтобы разрезать ей грудь; девица взмолилась ему: «Удалой добрый молодец! Не коли ты меня, девицу, до смерти. Я отпросилась у батюшки с тем, что кто побьет меня в чистом поле, за того мне и замуж идти». Обрадовался Дунай ее слову и думает своим разумом:

Служил я, Дунай, во семи ордах,
Во семи ордах, семи королям,
А не мог себе выжить красные девицы;

Ноне я нашел во чистом поле
Обручницу, сопротивницу.

Обручились Дунай с Настасьей и обвенчались вокруг ракитова куста. Дунай отобрал у девицы бранное вооружение, кольчугу, и панцирь, и куяк, приказал ей надеть простую белую епанчу и поехал с ней к Киеву. В это время ехал князь Владимир от венца, и у новобрачного князя пошел свадебный пир. Дунай приехал к соборной церкви и просит у архиерея позволения обвенчать его с Настасьей. Дуная обвенчали *, и

* Здесь после языческого обряда венчания следует христианский.

новые молодые поехали к князю Владимиру, соскочили с коней на его широком дворе, и Дунай послал сказать князю:

Доложитесь князю Владимиру:

Не о том, что идти во светлы гридни, —

О том, что не в чем идти княгине молодой:

Платья женского только и есть одна епанечка белая.

Князь Владимир догадался: знает он, кого послать: послал он Чурилу Пленковича выдать цветное женское платье. — Здесь прямо намек на особенность Чурилы, которая полнее раскрывается в другой песне, собственно о нем. Выдали платье, богато снарядили княгиню новобрачную, повели молодых в светлые гридни и посадили за стол. Теперь уже две сестры сели за одним столом. Молодой Дунай Иванович

Женил он князя Владимира,
Да и сам тут же женился,
В том же столе столовати стал.

Прошло много времени. У князя Владимира, у солнышка Святославича, была веселая пирушка. На пирушке пьяный Дунай расхвастался, что в Киеве нет ему равного стрельца стрелять из лука в цель. Княгиня (жена Владимира) сказала на это: «Любимый мой зять, Дунай Иванович! Нет в Киеве такого стрельца, как сестра моя Настасья-королевишна». Обидно стало Дунаю; сей час захотел он испытать, кто лучше стреляет. Мечут жребий; достается стрелять жене Дуная (она, вероятно, была тут же на пиру), а Дунаю держать на голове золотое кольцо. Отмерили место на версту. Держит Дунай на голове золотое кольцо; Настасья натянула лук, вытянула каленую стрелу; запела тетива у тугого лука; каленая стрела сшибла золотое кольцо. Бросились искать и князя и бояре, увидели каленую стрелу и на ее перьях золотое кольцо. Тогда Дунай становил молодую жену на свое место. Княгиня принялась его уговаривать: «Зять мой любимый, Дунай Иванович! Это была шуточка пошучена». Жена его тоже говорила ему: «Оставим стрелять до другого дня; в моей утробе могучий богатырь. Первой стрелой ты не дострелишь, второй стрелой перестрелишь, третьей стрелой в меня угодишь». Князя, бояре и сильные могучие богатыри уговаривали Дуная, но Дунай озадорился и опять ставил на место свою жену. Она стала его упрашивать и кланяться ему. «Любезный мой ладушка, — говорила она Дунаю, — оставь шутку на три дня, хоть не для меня, но для своего сына не рожденного: завтра рожу тебе богатыря: ему не будет сопротивления». Не поверил Дунай и поставил жену свою на место цели. Стала жена держать золотое кольцо на голове. Первой стрелой не дострелил Дунай, второй перестрелил, третьей в нее угодил. Прибежал Дунай

к жене, выхватил булатное чингалище, распорол ей грудь; из утробы выскочил удалой молодец и сказал: «Сударь мой батюшка! Если бы дал ты мне сроку на три часа, я бы на свете был в семь семериц получше и поудалее тебя». Опечалился молодой Дунай Иванович, ткнул себя чингалищем в грудь и кинулся в быструю реку.

Потому быстра река Дунай слывет;
Своим устьем впала в сине море.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

Этот богатырь также имеет свой, совершенно особенный облик. Это изнеженный щеголь и волокита; об силе его нигде не говорится, он знаменит своею дружиною; но он находится в числе богатырей, и нет повода считать Чурилу не заслуживающим этого звания. Зато много говорит песня о пышности и щегольстве Чурилы. Вспомним, что ему поручает Владимир и платье выбрать для новобрачной, жены Дуная. У Чурилы, как видно из песни, своя сильная дружина, и он сперва живет отдельно и независимо. Это богатырь-начальник дружины, роскошный, щеголеватый, изнеженный и волокита. О Чуриле в «Сборнике» Кирши Данилова говорит только одна песня.

Песня начинается, как большею частью начинаются песни о богатырях и пирах Владимира: т<о> е<сть> в Киеве у князя Владимира идет пированье-почестный пир князей, бояр и богатырей, и Владимир-князь на пиру распотешился. В это время, когда весело стало князю Владимиру, подошли к нему незнакомые люди; их всех человек за триста, все они избиты и изранены. Они творят жалобу Владимиру. «Свет Владимир-князь! — говорят они, — мы ездили по чистому полю, вверху реки Черegi, в твоём государевом займище. Ничего мы не наехали в поле и не видали ни зверя прыскучего, ни птицы перелетной. Мы наехали в чистом поле на толпу молодцев человек за пятьсот; они повыловили и повыгнали зверей и нас избили, изранили. Нет тебе, государю, добычи, а от тебя, государь, нам жалованья нет; дети и жены пошли по миру». —

Владимир-князь, стольной киевской,
Пьет, ест, прохлаждается,
Их челобитья не слушает.

Не ушла еще эта толпа со двора, пришла другая толпа, человек за пятьсот; это были все охотники-рыболовы, и тоже все избиты, изранены, и тоже творят жалобу: «Свет Владимир-князь! ездили мы по рекам, по озерам, на твоё княженицкое счастье, ничего не поймали. Встретили мы людей, человек за пятьсот; повыловили они белую рыбицу, щук, карасей и мел-

кую рыбешку. Нам нет добычи, государь, а тебе приносу, а от тебя, государь, нет жалованья; дети и жены пошли по миру». —

Владимир-князь, стольной киевской,
Пьет, ест, прохлаждается,
Их челобитья не слушает.

Не сошли эти толпы со двора, пришли вдруг две другие толпы; первая толпа — сокольники, вторая толпа — кречетники; и все они избиты, изранены и также творят жалобу: «Свет Владимир-князь! ездили мы по полю чистому,верху Черegi, по твоему государеву займищу, на потешных островах, на твое княженецкое счастье. Ничего мы не видали; не видали сокола и кречета перелетного. Наехали мы только на молодцев за тысячу человек. Они повыхватили всех ясных соколов и повыловили белых кречетов, а нас избили, изранили; называются дружиною Чуриловою*». — «Кто это Чурила?» — спросил Владимир, схватившись за это слово. Выступил старый Бермята Васильевич и сказал: «Я давно, государь, знаю про Чурилу; он живет не в Киеве, а пониже малого Киевца.

Двор у него на семи верстах;
Около двора железный тын;
На всякой тынинке по маковке,
А и есть по жемчужинке;
Среди двора светлицы стоят,
Гридни белодубовые,
Покрыты седым бобром;
Потолок черных соболей;
Матицы-то валженныя;
Пол-середа** одного серебра;
Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальщатые,
Другие ворота — хрустальные,
Третьи ворота — оловянные.

Услышав это, Владимир захотел видеть двор Чурилы Плонковича, скоро собрался вместе с княгиней, взял с собой княжой, бояр и могучих богатырей, взял Добрыню Никитича и старого Бермяту Васильевича. Собралось их всех пятьсот человек.

* Свидетельство о Чуриловой дружине, по нашему мнению, очень важно и служит и то же время доказательством древности самой песни. Из этого свидетельства видно, что во время древних первых князей были как бы независимые отдельные начальники дружин и целые дружины, довольно самостоятельные и самовольные. Мы знаем, что была своя дружина у Свенельда; вероятно, что мужи, имена которых встречаем в договорах Олега и Игоря, имели такую же дружину. Это не значит, впрочем, чтоб эти дружины могли делать с народом, что хотели. Сильный и самобытный, конечно, ставил он пределы их самоуправию.

** Середа — сплошная цельная масса (среда) — здесь плоская.

Приехали к его двору: их встречает старый Плен (отец Чурилы).

Для князя и княгини
Отворяет ворота вальящатые,
А князьям и боярам — хрустальные.
Простым людям — ворота оловянные.

Наехало полон двор гостей. Пленко Сароженин повел князя и княгиню в светлые гридни²¹, посадил их в почетное место; посадил князей, бояр и могучих русских богатырей, — и начался пир; понесли и яства и питья заморские, чтобы развеселить князя.

Веселая беседа, на радости день;
Князь со княгинею весел сидит.

Посмотрел Владимир в косящетое окно и увидал в поле толпу людей. «По грехам не случилось меня дома, — сказал Владимир, —

Ко мне едет король из Орды,
Или какой грозен посол».

Старый Пленко лишь только усмехается, а сам потчует: «Изволь ты, государь князь, со княгинею и со всеми своими князьями и боярами, кушать. Не король едет из Орды и не грозен посол, а едет храбрая дружина сына моего, молодого Чурилы Пленковича; когда он будет перед тобою, государь, тогда пир будет во полупире, будет стол во полустоле». Опять пьют, едят, потешаются; день вечереет, закатывается красное солнышко, в поле сгущается толпа, человек за пятьсот и до тысячи.

Едет Чурила ко двору своему;
Перед ним несут *подсолнечник* *,
Чтоб не запекло солнце бела его лица.

Приехал Чурила к своему двору; прежде его прибежал скороход, заглянул на двор и увидал, что некуда ехать Чуриле с дружиною и с добычею. Тогда поехал Чурила с товарищами на свой окольный двор, там они остановились и принарядились. Догадался Чурила, что делать; он взял золотые ключи, пошел в подвалы глубокие, взял оттуда золота, сорок сороков черных соболей, другой сорок лисиц *печерских* и камку белохрущатую²²; пришел Чурила к князю Владимиру и положил перед ним на убранный стол подарки. Рады были князь и княгиня, и князь сказал: «Чурило Пленкович!

* Зонтик; у Стефана Яворского: *сонечник*.

Не подобает тебе в деревне жить,
Подобает тебе, Чуриле, в Киеве жить, князю служить*.

Чурила не ослушался князя Владимира, сей час велел оседлать коня, и все поехали в Киев-град, к ласковому князю Владимиру.

В добром здоровье их бог перенес.

Приехали, соскочили с коней, пошли в светлые гридни и сели за убранные столы. Снова пир. Владимир посылает Чурилу Пленковича звать к себе в гости князей и бояр:

А звагого приказал братъ со всякого по десяти рублев.*

Чурила всех обошел, всех позвал, зашел к Бермяте Васильевичу, к его молодой жене, к Катерине прекрасной, и позамешкался там. Владимир-князь ждет его, что долго замешкался; наконец, спустя немного, пришел Чурила Пленкович.

Втапору Владимир-князь ни во что положил;
Чурила пришел, и стол пошел.

Пили, ели, прохлаждались на веселом пиру и наконец разъехались по домам.

Путру, рано-ранешенько,
Рано зазвонили к заутрене.

Князья и бояре пошли к заутрене; в то утро выпала пороша снегу, — и нашли они свежий след; удивляются князья и бояре: «Или заяц скакал, или бел горностай». А другие усмеваются и говорят: «Это не заяц скакал и не бел горностай, —

Это шел Чурила Пленкович
К старому Бермяте Васильевичу,
К его молодой жене, Катерине прекрасной».

Характеристика этого богатыря очень полно и верно обрисована уже в одной этой песне. Его щегольство доходит до того, что пород ним несут зонтик от солнца. Отношения его к жене Бермяты, о которых упоминается мимоходом, достаточ-

* Весьма замечательное указание. Итак, этот княжеский пир — складчина. Пир складчиной — явление совершенно русское и древнее; вспомним *братчины*, напр<имер> братчину Никольщину, где складочный пир и вместе союз, в котором выбирается и пировой староста. Это также чисто общинное явление; это — вольное видоизменение самой самородной общины, ее отпрыск, если так можно выразиться. К таким же общинным явлениям, возникшим из самой коренной общины, причисляем мы артель (не ротель²³ ли?) и также козацкое устройство.

но дополняют его характер. Мы уже говорили, что Чуриле поручает Владимир выбирать женское платье. Чурила еще является мельком, но и тут верный своему характеру, в одной песне, именно о Дюке Степановиче. Богатый Дюк на пиру Владимира стал отламывать у калача верхнюю корочку, а нижнюю откладывать прочь:

А во Киеве был счастлив добре
Как бы молодой Чурила сын Пленкович,
Оговорил он Дюка Степановича:
Что ты, Дюк, чем чванишься? —
Верхнюю корочку отламываешь,
А нижнюю прочь откладываешь.

Песня очень тонко выражает здесь тот же характер Чурилы: кто сам склонен к чванству, тот заметит чванство другого и обидится им; кто щеголь, тот прежде всех заметит щегольство другого и, как скоро оно в больших размерах, также обидится им. Надо прибавить, что Дюк молод, богат, одет великолепно и красавец собой, — так что все засмотрелись на него, когда он вошел в гридню, на пир Владимира.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Среди молодых сильных могучих богатырей один только стар: богатырь Илья Муромец, далеко превосходящий силою всех остальных. Песня не придает ему обыкновенного приговья: *удалый*; и точно — в нем нет удалства. Все подвиги его степенны, и все в нем степенно: это тихая, непобедимая сила. Он не кровожаден, не любит убивать и, где можно, уклоняется даже от нанесения удара. Спокойствие нигде его не оставляет; внутренняя тишина духа выражается и во внешнем образе, во всех его речах и движениях. В богатыре этом, несмотря на его страшную, вне всякого соперничества, силу, слышится еще более сила духа. Этот неодолимо могучий и кроткий богатырь — крестьянин.

В собрании песен Кириши Данилова три песни говорят об Илье Муромце²⁴. Кроме их известны еще другие; из них одна напечатана в «Москвитянине» (1843, № 11)²⁵, другая — в «Московском Сборнике» (т. 1). Есть также печатная об нем сказка с лубочными картинками, и наконец об нем много в народе рассказов, более или менее известных. Воспользуемся всем, что напечатано и что сохранилось в народе (сколько мы знаем) о богатыре Илье Муромце. Илья Муромец пользуется общеизвестностью больше всех других богатырей. Полный неодолимой силы и непобедимой благости, он, по нашему мнению, представитель, живой образ русского народа.

В селе Карачарове, близ Муромы (оно и теперь еще нахо-

дится там), жил крестьянин Иван Тимофеевич; у него был сын Илья (Муромец). Илья с малых лет не владел ногами и сидел сиднем тридцать лет. Однажды отец и мать его и вся семья были на работе. Илья оставался один дома. Приходят в дом два старца, подходят к нему и говорят, чтоб он принес им напиток. — «Я без ног, — отвечает Илья, — и сижу сиднем тридцать лет». — «Поди и принеси нам напиток», — говорят ему старцы. Желая исполнить их требование и напоить прохожих старцев, Илья Муромец подымается на ноги, и... встает; он идет и приносит старцам целое ведро. — «Выпей сам», — говорят ему они; Илья выпивает. — «Что ты в себе слышишь?» — спрашивают старцы. — «Слышу в себе силу, — говорит Илья, — дерево с корнем вырву из земли». — «Принеси еще ведро». — Илья идет за другим ведром и приносит. «Выпей и это ведро», — говорят ему старцы. Илья выпивает. — «Что ты в себе слышишь теперь?» — «Если бы кольцо вернуть в землю, — отвечает Илья, — я бы повернул землю». (По другим рассказам: «Если бы утвердить столб между землею и небом, я повернул бы столб»). — «Это много, — говорят ему, — принеси третье ведро». Илья приносит третье ведро. — «Выпей», — говорят старцы. Илья выпил, и силы в нем поубавилось против второго раза. — «Будет с тебя и этого», — говорят старцы и уходят. Замечательно это предание. Доброе дело возвращает Илье употребление ног и дарит страшную силу; добрым делом начинаются его подвиги, его богатырская жизнь. Илья, оставшись один, идет к своим на работу. Они (по рассказам, сколько я помню) рубили лес. «Смотрите-ка, Илья идет», — заговорили все, увидав его. Илья тут же начал помогать им и принялся с корнем рвать деревья. Ясно стало всем, что Илья — богатырь.

Богатырь Илья Муромец собрался на богатырские подвиги, добрым на радость, злым на страх. Он просит великого благословения у отца и у матери и падает им в ноги. Отец и мать дают ему благословение великое, и Илья едет в Киев дороною прямоезжею, по которой уже давно никто не ездит, которая уже давно залегла; на этой дороге в лесу свил себе гнездо на семи дубах Соловей-разбойник. Этою-то прямой дорогой поехал Илья. Во время пути, идучи пешком по берегу Оки, в узком месте (быть может, коня он вел за повод), встретился Илья с богатырем, Зюзей, который шел и один тянул расшиву бичевой. Мосто было узкое; разойтись трудно. «С дороги!» — кричал сносно Зюзя. Не понравилась эта хвастливость Илье. «Сам с дороги», — отвечает он Зюзе. Зюзя, кинув бичеву, пошел к Илье, чтоб дать ему отведать своей богатырской силы (из рассказа видно, впрочем, что они знали друг друга или тут сказали свои имена). Не вступает с ним в бой Илья, не хочет драться. Илья хватает Зюзю на руки и кидает

вверх. Летит Зюзя вверх и потом летит вниз; сто раз успел он сказать на полете: «Виноват, Илья Муромец, вперед не буду!» Илья подхватил его на руки, поставил на землю и продолжал свой путь.

До сих пор все, сказанное нами, взято из устных рассказов народа, из сказки с лубочными картинками и частью из песни, напечатанной в «Москвитянине»; теперь к этому присоединяются песни из собрания Кирши Данилова.

В темных лесах Брынских²⁸ наехал Илья на девять дубов; на этих девяти дубах жил Соловей-разбойник. Заслышал Соловей-разбойник конский топот и поездку богатырскую, засвистал по-соловьиному, зашипел по-змеиному, заревел по-звериному; конь пал на карачки под Ильєю. Говорит коню Илья Муромец:

А ты, волчья сыть, травяной мешок!
Не бывал ты, конь, во темных лесах,
Не слышал ты свисту соловьиного,
Не слышал ты шипу змеиного,
А того ли ты крику (реву?) звериного,
А звериного крику, туриного!

Илья вынул каленую стрелу и пустил в Соловья-разбойника, попал ему в правый глаз, и

Полетел Соловей с сыра дуба
Комом ко сырой земле.

Илья Муромец подхватил Соловья на руки и привязал к седельной луке. Проехал Илья крепкую воровскую заставу, подъезжает к Соловьеву подворью; на семи верстах двор у Соловья, около двора железный тын; на всякой тынинке по маковке и по богатырской голове. Жена Соловья увидала издали Илью Муромца, бросилась с чердака, стала будить своих девять сыновей:

«А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
А девять сынов, ясны соколы!

Ступайте в подвалы, берите ключи, отмыкайте ларцы, берите золотую казну, выносите на широкий двор и встречайте удалого добра молодца. Чужой человек едет сюда и везет в тороках отца вашего». Но девять сынов Соловья-разбойника не то думают, они думают обернуться черными воронами с железными носами и расклевать на части Илью Муромца. Подъезжает богатырь ко двору разбойника. Бросилась к нему жена Соловья и молит его: «Бери, удалой добрый молодец, золотой казны, сколько надобно: отпусти Соловья-разбойника, не вези его в Киев». Грубо поговаривают девять сынов Соловья. — Не обращает внимания Илья на их речи, ударил он своего доброго коня, и только его и видели,

Как сокол, летит Илья и приезжает в Киев на двор княженецкий, соскакивает с коня, привязывает к дубовому столбу и идет в светлую гридню, молится Спасу со Пречистою, кланяется князю и княгине и на все четыре стороны. У великого князя Владимира был в то время почестный пир, и много было на пиру князей и бояр, много сильных-могучих богатырей. Илье подносят чару зелена вина в полтора ведра; Илья берет одной рукой и выпивает одним духом. «Ты скажись, молодец, — говорит ему ласковый князь Владимир, — как тебя по имени зовут: по имени можно тебе место дать, по отечеству можно пожаловать». — «Ласковый стольный Владимир-князь! — отвечает Илья, — меня зовут Илья Муромец сын Иванович; я проехал дорогу прямоезжую из стольного города Мурома, из села Карачарова». Могучие богатыри говорят на это: «Ласковое солнце, Владимир-князь!

В очах детина замирается.
А где ему проехать дорогою прямоезжею? —
Залегла та дорога тридцать лет
От того Соловья-разбойника».

Говорит на это Илья Муромец: «Владимир-князь!

Посмотри мою удачу богатырскую:
Вон я привез Соловья-разбойника на двор к тебе».

Князь Владимир пошел вместе с Ильею на широкий двор посмотреть его богатырской удачи. Вышли тут и князья, и бояре, и богатыри: Самсон Колыванович, Сухан, сын Домантьевич, Светогор, Полкан, семь братьев Сбродовичей, мужики Залешане (Зполешане) и два брата Хапиловы (так именует песня); всего их было тридцать молодцов. Илья стал уговаривать Соловья: «Послушай меня, Соловей-разбойник,

Послушай, Соловей, по-соловьинному,
Пошпили, змей, по-змеинному,
Вривый (зирвай), зверь, по-туриному,
И потешь князя Владимира».

Соловей заспиливал по-соловьинному, оглушил князей и бояр, зашипел по-змеинному, заревел по-туриному. Князья и бояре испугались, напугались по двору на карачках, тут же и сильные могучие богатыри. Со двора разбежались кони, и сам Владимир-князь с дорогой княгиней едва жив стоит и говорит Илье: «Илья Муромец сын Иванович, уйми ты Соловья-разбойника: эта шутка нам не надобна».

Очевидно, что Илья остался в Киеве и сел богатырем за княжий стол. Из других песен видно, что он оберегает рус-

ские пределы; в лубочной сказке говорится, что он разбил идолище. В «Сборнике» Кирши Данилова несколько раз говорится об Илье в отдельных песнях, которые более и более определяют его могучий, спокойный, важный и тихий образ.

На Киев подымался злой Калин-царь. Калин-царь имеет весь вид татарского хана: его нашествие дышит, в песне, ужасом нашествия татарского, — анахронизм очевиден: явление позднейшее перенесено в древнейшую эпоху. Впрочем, сама песня тем не менее древняя. Вместе с Калином собиралось силы на сто верст во все четыре стороны. Не дошед до Киева за семь верст, Калин стал у Днепра, написал ярлыки скорописчатые, выбрал огромного татарина выше всех ростом и послал с ним в Киев. В ярлыках написано:

Что возьмет Калин-царь стольный Киев-град,
А Владимира-князя в полон полонит,
Божьи церкви на дым пустит.

Татарин сел на коня и приехал в Киев на княженецкий двор; соскочил татарин с коня; он не вяжет коня, не приказывает, бежит в светлые гридни,

А Спасову образу не молится,
Владимиру-князю не кланяется,
И в Киеве людей ничем зовет.

Татарин бросил ярлыки на круглый стол перед великим князем Владимиром и, уходя, выговорил слово:

Владимир-князь, стольный киевский!
А наскоро сдай ты нам Киев-град,
Без бою, без драки великия
И без того кроволития напрасного.

Опечалился Владимир; наскоро распечатал и прочел ярлыки.

По грехам над князем учинилось —
Богатырей в Киеве не случилось,

а Калин-царь под стеною, и с Калином страшная сила.

Не окончено было еще это дело, еще не выехал из Киева татарин, а Василий-пьяница взбежал на стрельную башню, взял свой лук разрывчатый и перяную стрелу и выстрелил в Калина-царя; в него не попал, попал в зятя его, Сартака, прямо в правый глаз, и ушиб его до смерти. Оскорбился Калин: как! еще первую беду враги его не свалили с плеч, а уже другую затеяли: убили его любимого зятя. Калин послал другого татарина к князю Владимиру, чтобы выдали виноватого.

Но вот, спустя немного времени, с полуденной стороны,

Что ясный сокол в перелет летит,
Как белый кречет перепархивает,

мчится на коне старый богатырь, Илья Муромец. Приехал на княженецкий двор,

Не вяжет коня, не приказывает,
Идет во гридню, во светлую;
Он молится Спасу со Пречистою,
Бьет челом князю со княгинею,
И на все четыре стороны,
А сам Илья усмехается:
Гой еси, сударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесанный!

В ответ князь Владимир подал Илье ханские ярлыки. Илья прочел. «Пособи мне, Илья Муромец, — сказал Владимир, — думушку думать; сдать ли мне, не сдать ли Киев, без бою, без драки, без кроволития напрасного?» — «Ни о чем не печалься, Владимир, князь киевский, — отвечает Илья, — бог наш Спас оборонит нас, Пречистая и всех сохранит. Насыпай мису чистого серебра, другую красного золота, третью скатного жемчуга, и поедем со мной к Калину-царю со своими честными подарками. Этот татарин-дурак прямо нас доведет». Князь нарядился поваром, замарался котельной сажеей и поехал с Ильею в стан татарский. Приехав, Илья соскочил с коня, кланяется царю и говорит: «Калин-царь, злодей Калинович! Прими дорогие подарки от великого князя Владимира,

А дай ты нам сроку на три дня,
В Киеве нам приуправиться,
Отслужить обедню с панихидами,
Как де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися».

Вот чего требует Илья; понятен смысл этого требования. Царь отвечает: «Илья Муромец! Выдайте нам виноватого, который настрелил моего любимого зятя». — «А ты слушай, Калин-царь, что полят, — говорит Илья, — прими подарки от великого князя Владимира; где нам искать этого человека и вам отдавать?» Калин принял подарки с бранью и срока не дал. Обидно стало Илье, что не дал Калин-царь сроку ни на три дня, ни на три часа, и сказал он ему:

Собаки, проклятый ты, Калин-царь!
Отойди с татарами от Киева!
Охота ли нам, собаки, житьям быть?

Обидно стало и царю такое слово; он велел татарам схватить Илью. Схватили Илью,

Связали ему руки белыя
Во крепки чембуры шелковые.

Вновь оскорбился Илья, но еще терпит и повторяет только царю слова свои:

Собака, проклятый ты, Калин-царь!
Отойди с татарами от Киева!
Охота ли вам, собака, живым быть?

Вновь рассерженный, Калин-царь плюет Илье в ясны очи, говоря: «Всегда хвастливы русские люди. Весь опутан стоит передо мною да еще хвастает». Сильно оскорбился Илья; за великую досаду показалось ему, что плюет ему царь в ясные очи:

Вскочил в полдрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах...

Не допускают Илью до доброго коня и до его тяжелой палицы, до медной, литой в три тысячи пуд. Схватил Илья татарина за ноги, того самого, который ездил в Киев, и начал татаринном помахивать:

Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками;
А сам татарину приговаривает:
А и крепок татарин, не ломится,
А и жиловат, собака, не изорвется.

Видно, не тому дивится Илья, что вокруг него валяются татары, а тому, что татарин, который ему служит вместо палицы, не ломается и не рвется; это шутка силы, все вокруг себя превосходящей. Какое нужно спокойствие силы, чтобы заметить крепость татарина в такую минуту и чтобы пошутить так. Но только сказал Илья свои слова, как оторвалась татарская голова,

Угодила та голова по силе вдоль

и на полете бьет и ломит татар. Побежали татары, потонули в болотах и реках. Воротился Илья к Калину-царю, схватил его в белые руки,

Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйной головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи пирожныя*.

Бегут остальные татары и заклиняются:

* Вместо: пирожныя, в издании «Сборника» К<ирши> Д<анилова> поставлены точки; это замещение сделано нами, ибо к крохам придается и этот эпитет²⁷.

Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видеть русских людей,
Неужто в Киеве все таковы?
Один человек всех татар прибил.

А Илья Муромец пошел искать товарища своего, Василия Игнатьева, пьяницу: он один в Киеве поднял руку на татар, и Илья идет искать его; скоро нашел он его на Петровском кружале и привел к князю Владимиру.

А пьет Илья довольно зелена вина
С тем Васильем со пьяницей,
И называет Илья того пьяницу
Василья братом названным.

В этом рассказе также является нрав и обычай Ильи. Как он спокоен, как медлит он идти на бой, как он долготерпелив, и только в крайнем случае, когда лопнуло наконец его терпение, и вооружается он всею грозною своею силой, — как он необоримо могуч и велик. В этом образе любимого русского богатыря как не узнать образа самого русского народа.

Другой рассказ об Илье, находящийся в «Сборнике» Кириши Данилова, полон таких намеков, которых нет возможности разрешить без новых данных. Здесь является новое лицо: Збут Борис-королевич, сын или внук Задонского короля. Перескажем и этот рассказ.

Из славного города Киева выезжали два могучие богатыря: Илья Муромец и брат его названный, Добрыня Никитич; они выехали на чистое поле, вверху реки Черegi, и подъехали к Сафат-реке. Тогда Илья сказал: «Молодой Добрынюшка Никитич! поезжай ты за горы высокие, а я поеду подле Сафат-реки». Добрыня поехал на высокие горы, наехал на белый шатер, и подумалось ему, что в шатре сильный могучий богатырь. Из белого полотняного шатра вышла баба Горынинка и завела ссору с Добрынею. Добрыня соскочил с коня и кинулся на бабу Горынинку; начался бой; бились они палицами тяжкими.

У них тяжкие палицы разгорались,
И бросили они палицы тяжкие;
Они стали уже драться рукопашным боем.

Между тем Илья Муромец ездил подле Сафат-реки, наехал на бродучий след и поехал по следу; увидел он богатыря в чистом поле, Збута Бориса-королевича. В это время молодой Збут-королевич отнявши от стремени выжлока²⁸ и спускал с руки ясного сокола; он выжлоку наказывает:

А теперь мне не до тебя пришло.
А и ты бегай, выжлок, по темным лесам
И корми свою буйну голову, —

И ясну соколу он наказывает:
Полети ты, сокол, на сине море
И корми свою буйну голову;
А мне, молодцу, не до тебя пришло.

Замечательная минута, в которую является Збут-королевич; почему отпускает он и выжлока и сокола, почему молодому богатырю не до них пришло — неизвестно; но минута эта необыкновенная, не незначительная в его жизни. Илья подъезжает к нему. Молодой Збут-королевич пустился на старого богатыря Илью Муромца и выстрелил ему в грудь из тугого лука; он попал ему в грудь, но, видно, это ничего Илье Муромцу. Он (Илья Муромец)

Не бьет его палицей тяжкою,
Не вымает из налушна тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Не стреляет он Збута-королевича;

он только схватил его в белые руки и бросил выше дерева; не взвидел свету кинутый на воздух королевич и назад летит к земле. Илья подхватил его на богатырские руки, положил на землю и стал спрашивать его дядину (дедину?)-отчину. «Если б я сидел у тебя на груди, — отвечает Збут-королевич, — я спорол бы тебе белую грудь». Илья дал ему почувствовать силу своей богатырской руки, и Збут сказал, что он — того короля Задонского. Заплакал тогда Илья Муромец,

Глядячи на свое чадо милое.

«Поезжай, — говорит он Збуту, — поезжай, Збут Борис-королевич, к своей матушке. Если б ты попал на наших русских богатырей, не отпустили бы они тебя живого от Киева». Збут поехал и приехал к царю Задонскому, к своей матушке и стал ей рассказывать: «Я ездил, матушка, на потешные луга князя Владимира; в поле наехал я на старого богатыря и выстрелил ему в грудь; схватил меня в руки старый богатырь среди чистого поля, чуть не забросил меня за облако, и опять подхватил на руки». Тогда мать Збута ударилась о землю и едва говорит в слезах: «О, Збут Борис-королевич! Зачем наезжал ты на старого богатыря? Не надо бы тебе с ним драться; надо бы съехаться в чистом поле и надо бы тебе ему поклониться о праву руку до сырой земли; по роду он тебе батюшка, старый богатырь Илья Муромец сын Иванович».

В это время Илья поехал на высокие горы искать названного брата Добрыню Никитича. Он нашел его, все бьющегося с бабой Горыниной; чуть душа его в теле *полуднует*. «Ты не умеешь драться с бабой, Добрыня Никитич, — сказал ему

Илья Муромец, — надо драться иначе». Услыхав слова Ильи, покорились баба Горынинка и сказала: «Не ты меня побил, Добрыня Никитич, а побил меня старый богатырь Илья единым словом». Добрыня вскочил на грудь бабе Горынинке, выхватил чингалище и хотел спороть ей грудь; но она взмолилась Илье Муромцу: «Илья Муромец, не прикажи мне резать грудь; у меня много в земле и злата и серебра». Илья схватил Добрыню за руки, и баба Горынинка повела их к своему глубокому погребцу. Стали Илья с Добрыней у глубокого погребца, и удивляются богатыри, что много золота и серебра, и цветного, все русского, платья. Оглянулся Илья Муромец в широкое поле; в это время Добрыня Никитич срубил бабе голову.

Эта песня замечательная в отношении художественном, в отношении характеристики богатырей и, наконец, своими намеками. Как художественна в песне минута, когда отвязывает Збуг выхлока от стремени и спускает сокола с руки; это многозначительная минута в его жизни; но почему? но как? — неизвестно; об этом можно только догадываться. Сама эта неизвестность составляет художественную прелесть. Это минута, выхваченная из жизни; она сама ярко освещена, но ее окружает туман неизвестности прошедших и настоящих обстоятельств. Это особенный, чисто художественный взгляд на жизнь, когда вырванное из нее явление, поставленное ярко перед нами, дает предчувствовать много других явлений, его окружающих и с ним связанных, теряющихся в бесконечном пространстве жизни, когда при этом, чисто частном, явлении человек чувствует все многообразие и бесконечность жизни, его окружающей. Здесь частное явление выходит перед нами как будто с обрывками, которые и сообщают ему такой характер. Далее: как хорошо, и художественно хорошо, это простое движение Ильи, когда нагляделся он на золото и серебро, и вдруг захотелось ему оглянуться в поле, движение, которым воспользовался Добрыня на беду бабе Горынинке. Относительно характеристики богатырей эта песня тоже очень важна. Как благодушен Илья, который богатыря, пустившего ему в грудь стрелу, только хватает на руки, кидает на воздух, опять подхватывает и кладет невредимого на землю, дав ему почувствовать свою силу. Много также высказывают его собственные слова, отличающие его от других витязей: если бы ты попался нашим русским богатырям, они бы не отпустили тебя живого от Киева. Наконец, он хватает за руку Добрыню, не давая ему резать грудь у бабы Горынинки; только пользуясь тем, что Илья загляделся в поле, Добрыня срубает голову бабе. Как всюду здесь явственно выступает Илья, этот могучий выше сравнения, благодушный богатырь! В этой песне есть замечательный намек, необъяснимый при том виде и

количестве песен, в каком они нам известны. Збут-королевич — сын Ильи. В своем ответе Илье он не называет себя сыном короля Задонского, а просто говорит: *я того короля Задонского*; по этому ответу, он мог принадлежать к его семье или роду, быть его внуком, происходить от него. Не говорится, чтобы его мать была женою короля Задонского. Когда Збут рассказал своей матери о встрече с Ильею, в песне говорится:

Еще втапору его (*королевича*) матушка,
Того короля Задонского.

Здесь этот оборот вовсе не значит, чтобы она была матерью короля Задонского; она — мать королевича. Выражение: *того короля Задонского* имеет свой отдельный смысл. Мы не имеем причины заключить из этого выражения, чтоб мать Збута была женою короля Задонского; она могла быть его дочерью, принадлежать к его семье. По всему мы, кажется, должны скорее предположить, что она дочь Задонского короля; нам кажется, что и неоконченный оборот самый с родительным падежом может скорее означать это, как и вообще нисходящую линию. Припомним, что в этом смысле говорилось: *храброго Долгорукого*; и пр., что таким образом явились прозвища: *живого, белого* и пр. Алеша Попович также говорит про себя: «Меня зовут Алешею Поповичем, из города Ростова, старого попа соборного». Но если справедливо наше предположение, и мать Збута — дочь или родственница Задонского короля, то тем не менее требует объяснения самое обстоятельство. Илья Муромец, не так же ли, как Рустем, был некогда в гостях у короля Задонского, женился на его дочери или родственнице и уехал, уступая требованиям своей богатырской жизни или даже обязанности? Будем ждать, чтобы какая-нибудь вновь узнанная песня объяснила нам эту загадку; во всяком случае, мы несомненно уверены, что объяснение может быть только такое, которое вполне согласуется с чистым, благим и великим образом первого русского богатыря.

Есть еще песня, очень важная для характеристики Ильи Муромца, вот она:

Далече, далече, в чистом поле, что ковыль трава в чистом поле шатается, ездит в поле стар матер человек, старый богатырь, Илья Муромец; конь под ним, как лютый зверь; он сам на коне, как ясен сокол. На этот раз было с Ильею много денег. На богатыря нападают станишники или разбойники; окружили его со всех сторон,

Хотят его, старого, ограбити,
С душой, с животом разлучить хотят.

«Братцы станишники, — говорит им Илья Муромец, —

Убить меня, старого, вам не за что,
А взять у старого нечего».

Илья вынул из налушна крепкий лук, вынул каленую стрелу:

Он стреляет не по станишникам,
Стреляет он, старый, по сыру дубу.

Вспела тетива у тугого лука, угодила стрела в крепкий дуб, изломала дуб в черенья ножевые. Станишники попадали с коней, лежат без памяти на земле. Опомнившись, они бьют челом Илье Муромцу и просят взять их в вечное холопство (службу), обещая дать рукописанье служить ему до веку. На это Илья отвечает им только:

А и гой есть (есте) вы, братцы станишники!
Поезжайте от меня во чисто поле,
Скажите вы Чуриле сыну Пленковичу
Про старого козака Илью Муромца.

В этой краткой песне является Илья со всем своим характером. На него нападают разбойники: он может их всех перебить, но он не хочет кровопролития; он показывает им свою силу, разбивает стрелою вдребезги дуб и тем удерживает их нападение. Величавое благодушие Ильи здесь все на виду. Песня оканчивается намеком на какие-то отношения к Чуриле Пленковичу, намеком, необъяснимым покуда.

В «Московском Сборнике» (т. 1) помещена песня об Илье Муромце и о других богатырях; она сохранилась в очень древнем виде (хотя, конечно, есть и позднейшие наросты) и чрезвычайно замечательна. В ней рассказан бой богатырей с богатырем из земли козарской. Там сказано: земли жидовской, но мы принимаем объяснение А. С. Хомякова, который так разумно землю жидовскую. Название земли козарской землею жидовской показывает, по нашему мнению, чрезвычайную древность самой песни; ибо, следовательно, в эту эпоху было в свежей памяти, что козары исповедуют веру жидовскую. Расскажем, хотя вкратце, эту замечательную песню.

Под Киевом стоит богатырская застава; на заставе атаман Илья Муромец; податаманье — Добрыня Никитич, еснул — Алеша Попович. Кроме того, были у них Гришка, боярский сын, и Васька долгополый. Все богатыри были в равнине: Гришка жил кравчим; Алеша Попович ездил в Киев; Илья Муромец был в чистом поле; Добрыня ездил за охотою к синему морю. Возвращаясь с охоты, увидел Добрыня ископыт великую. А. С. Хомяков говорит, что это означает глыбу, вырванную копытом из земли; мы, может быть, только определим его мысль, если скажем, что это не глыба, вырванная из земли, а из самого копыта выпавшая земля, прежде

туда набившаяся. Увидав эту ископыт, а ископыт была величиною с полпечи, догадался Добрыня, что тут проехал сильный богатырь. Присхав на богатырскую заставу, он собрал братию приборную (т<о> е<сть> где все один к другому прибраны и составляют братский союз, где есть и общая казна) и говорит: «Что устояли мы на заставе, братцы, что углядели? Мимо заставы нашей проехал богатырь». Стали думать, кого послать за дерзким богатырем. Хотели послать Ваську долгополого. «Это неладно, — говорит Илья Муромец, — запутается Васька в длинных полах и пропадет понапрасну». Решили послать Гришку, боярского сына. «Неладно, — говорит опять Илья Муромец, —

Гришка рода боярского --
Боярские роды хвастливы;

призахвастается он на бою и пропадет понапрасну». Решились на Алешу Поповича. «Неладно, — говорит опять Илья, — Алеша увидит на богатыре много золота и серебра, засмотрится и пропадет понапрасну». Как верно опять выставляется здесь характер Алеши, он же и заведывает общею казною: как видно, деньги по его части, и можно положиться на него, что он копейки не пропустит. Решили послать Добрыню, и Добрыня поехал и нагнал богатыря, но когда помчался на него огромный козарский богатырь, когда задрожала земля и вода в озерах из берегов выступила — Добрыня рад был только, что мог ускакать от страшного противника. Приехал Добрыня на заставу и рассказал все, как было. «Больше замечаться нечем, — говорит Илья, — видно, ехать самому атаману». Поехал Илья и нагнал козарина; он также помчался на Илью, также задрожала земля и выступила вода из озера, но не испугался Илья, и начался страшный бой. Палицы, сабли и копья изломались и были брошены; идет рукопашный бой; они бьются до вечера, до полуночи, до бела света. Поскользнулась нога у Ильи, и упал он на землю. Козарин сел ему на грудь, вынул чингалище, чтоб пороть белую грудь, и смеется над Ильею. Лежит Илья под богатырем, но помнит он, что

Написано было у святых отцов,
Удумано было у апостолов,
Не бывать Илье в чистом поле побитому.

На земле втрое силы прибыло у Ильи, он ударил в грудь козарина и вскинул его на воздух. Вскочил Илья, отрубил ему голову и едет на богатырскую заставу. Встречает его Добрыня со всей братьею. Илья сбрасывает голову с копья и говорит только:

Ездил во поле тридцать лет,
Экова чуда не наезживал.

В этой прекрасной и многозначительной песне, в которой Илья Муромец так выпукло и ясно выдается, образ его все тот же: та же неодолимая сила и то же спокойствие: отсутствие всякого раздражения этой силы в бою и отсутствие всякого тщеславия и похвальбы в победе; приехавши, Илья не хвастает и не удивляется своей победе, — он говорит только, что тридцать лет не наезживал такого чуда. Постоянно и везде представляет Илья полное и великое сочетание силы духовной и телесной; духовная умеряет грубость и материальность телесной силы, которая без нее была бы бесправна и оскорбительна.

Но, создав богатыря страшной силы, народная фантазия не остановилась на этом. Она создает еще богатыря: необъятную громаду и необъятную силу; его не держит земля; на всей земле нашел он одну только гору, которая может выносить его страшную тяжесть, и лежит на ней, неподвижный. Прослышал о богатыре Илья Муромец и идет с ним померить силы; он отыскивает его и видит, что на горе лежит другая гора: это богатырь. Илья Муромец, не робея, выступает на бой, вынимает меч и топчет в погу богатырю. «Никак, я зацепился за камушек», — говорит богатырь. Илья Муромец наносит второй удар, сильнее первого. «Видно, я задел за пруттик, — говорит богатырь и, обернувшись, прибавляет: — это ты, Илья Муромец; слышал я о тебе; ты всех сильнее между людьми, ступай и будь там силен. А со мною нечего тебе мерить силы; видишь, какой я урод; меня и земля не держит; и я сам своей силе не рад».

Как бы в дополнение и объяснение к образу Ильи Муромца, как бы в ответ на сокровенный вопрос: почему не могло быть силы, еще более громадной, чем у Ильи, — народная фантазия ставит предомыслие богатырской и создает образ силы необъятной, чисто внешней, материальной, не нужной и бесполезной даже тому, кто ею обладает. Эта сила уже без боли. Здесь сила приближается уже к стихии, как сила воды, ветра, и не возбуждает ни зависти, ни соревнования. Грустен образ этого одинокого богатыря, лежащего на единственной подымающей его горе, о котором и не упоминается больше в рассказе, и еще более выигрывает богатырь Илья Муромец, величайшая человеческая сила, соединенная и с силою духа.

В рассказе о громадном богатыре Илья Муромец как бы ни с чем ни отступает от своего обычая и права. В самом деле, нигде и никогда Илья не испытывает силы, не выказывает ее, не тенится ею, как другие богатыри; она всегда у него полезное орудие для доброго дела только; не любит крови его мирная, вовсе не воинственная душа. Здесь же, напротив, он идет мерить силу. Но нужно было народной фантазии такое

соперничество, чтобы высказать мысль народную; к тому же чисто внешняя и громадная сила вызвала и в Илье эту сторону силы внешней, и на сей раз он является только как богатырь; но он меряет силу с богатырем-стихией, с воплощенным чудом, и здесь понятно и возможно такое желание в богатыре Илье Муромце.

Мы старались, сколько возможно яснее, очертить образ Ильи Муромца, первого русского богатыря и крестьянина, образ, верно сохраненный во всех рассказах и песнях, как это можно было видеть из всех свидетельств, приведенных нами. Сила и кротость, внешние битвы, вследствие случайных обстоятельств, и мир внутренний, вследствие высокого православного строя его души, непобедимость богатыря и смирение христианина, одним словом, соединение силы и телесной и силы духовной — таков наш русский богатырь Илья Муромец.

Мы должны сказать еще об одной весьма замечательной песне, о которой мы уже упоминали мельком в нашей статье. Это песня об Илье Муромце: она помещена в «Москвитянине» (1843, № 11). Образ Ильи Муромца в ней не тот, каков во всех остальных песнях и рассказах; но песня составляет совершенный особняк и, очевидно, по самому сочинению, древности позднейшей. Это можно видеть уже и потому, что она представляет целое, с началом и концом, тогда как древние песни дошли до нас только в отрывках одной великой эпопеи; к тому же в песне этой не говорится о многих обстоятельствах, известных нам из других песен и преданий. Кроме того, отношения Владимира и богатырей между собой, как видно, не те; встречаются слова эпохи позднейшей, напр<и>мер *ваша милость*, как эпитет Владимира, *слуги, все государевы вотчины*, — слова, не встречаемые (что очень замечательно) в песнях древних. Владимир называется даже однажды царем. Тем не менее песня эта — произведение чисто народное и древнее, но только эпохи позднейшей; сверх всего этого, многие выражения, обстановка и вообще склад всей песни показывают, что это не древняя Владимировская песня с позднейшими наростами, но что она *сочинена* была в позднейшее время и в свою очередь имеет наросты последующего времени; язык чисто сохраняет свой древний склад и силу. Илья Муромец послужил здесь канвой, конечно, по каким-нибудь отношениям, для нового народного создания. И понятно, что какую-нибудь особую, небывалую прежде мысль народ воплотил в образе своего народного богатыря. Итак, признавая эту песню все за произведение народное, мы признаем за нею важное и великое значение. Но ее не надобно смешивать с древними песнями об Илье Муромце, как не надобно смешивать древнего и живущего до сих пор в общем народном

предании Ильи Муромца с Ильей этой исключительной, по все же чисто народной и недаром сложившейся песни. Песня эта рассказывает всю повесть об Илье Муромце и поэтому говорит и о многих известных уже обстоятельствах; встречаются и выражения целиком из древнейших песен, но всему придан особый, только здесь встречающийся отпечаток; расскажем эту замечательную песню.

В этой песне также Илья Муромец просит благословения у отца на дальнюю дорогу; едучи в Киев дорогой, которая залегла тридцать лет, он также сшибает стрелою Соловья с гнезда и везет его с собою.

Илья Муромец приезжает к городу Кидашу и избивает облегшую город литовскую силу. Это прибавка. В песне изменена несколько встреча Ильи Муромца с сыновьями Соловья, которым Соловей не велит драться с Ильей, а поднести ему золота и серебра, но Илья не прельщается на это. Есть рассказ о дочери Соловья, которая была на Дунае перевозчицей и не хотела перевезти Илью Муромца. Сошедши с лошади и взяв повод в левую руку, Илья наравал правой рукой дубов с кореньями, сделал мост, перешел и убил дочь Соловья. Этот рассказ тоже прибавление. Но далее, опять, так же как в древних песнях, приезжает Илья Муромец на двор княженицкий с Соловьем-разбойником, так же входит на пир князя Владимира, так же кланяется ему и на все четыре стороны... но не тот же прием встречает крестьянин Илья. Владимир говорит ему:

Еще здравствуй ты, детина-шельшина (*сельщина*).
Ты, детина-шельшина, да деревенщина!
Ты откуль едешь, да откуль идешь?
Ты каких родов, да каких городов?

Илья Муромец отвечает: «Я — города Мурома, села Карачарова, Илья Муромец сын Иванович:

Я приехал ко вашей (й) ко милости,
Прочистил я дороженьку да прямохожую,
Прямхохожую да прямоезжую,
А из Мурома да до Кидаша,
А из Кидаша да до Киева
Все до вашей (й) да до милости
И убил (*ушиб*) Соловья вора-разбойничка,
Вор разбойничка да вор Ахматова,
Да привез его к вам на показанье».

«Врешь ты, детина-шольщина, полыгаешься, — отвечает ему Владимир, — ищешь надо мною, князем». — «Иди на свой широкий двор, — говорит князю Илья, — изволь смотреть Соловья-разбойника». Князь надел богатую шубу, зарукавья и ожерелья, и повели его слуги под руки на его широкий двор. Там

у стремени привязан Соловей-разбойник. Князь просит его посвистать по-соловьиному. Соловей отказывается.

Тогда князь просит Илью, чтоб он заставил Соловья посвистать по-соловьиному. Илья исполняет просьбу князя; Соловей слушается Ильи, засвистал, забил в ладони, зашипел и заревел, тогда:

Темны леса к земле преклонились,
Мать-река Смородина со песком сомутилася.
Потряслись все палаты белокаменны,
Полстело из дымолок (*труб*) кирпичье заморское.
Полетели из оконниц стекла аглицкия,
Еще князь-от стоит да в худой душе (*чуть жив*).

Князь просит Илью унять Соловья-разбойника. Илья стал унимать его по-своему, схватил за черные кудри, ударил о землю, кинул вверх выше наугольной башни и хлопнул его напоследок о сырой камень. Так погиб Соловей-разбойник. Илью повели слуги под руки, посадили его *с краю стола и с краю скамьи* (а не в большое место). Тогда сам Илья говорит: «Славный князь киевский и владимирский! дай мне оберучную чашу зелена вина в полтора ведра!» Несут чашу Илье; он берет одной рукой и выпивает одним духом. Ему кажется еще мало. «Дай, — говорит Илья, — еще чашу оберучную зелена вина в два ведра». Илья взял одной рукой чашу и выпил одним духом. Тут Илью *маленько ошабурило*, он хотел поладиться, поправиться и поломал дубовые скамьи и погнул железные сваи; а у князя было много гостей, бояре, купцы, богатыри. Илья Муромец поприжал их всех в большой угол. Князь говорит Илье: «Илья Муромец сын Иванович!

Помешал ты все места да ученныя,
Погнул ты у нас сваи да все железныя.
У меня промеж каждым богатырем
Были сваи железныя,
Чтоб они в пиру да напивались,
Напивались да не сталкились».

Князь, сверх того, просит Илью: «Изволь у нас попить, поесть, изволь у нашей милости воеводой жить». Но Илья отвечает:

Не хочу я у вас ни пить, ни есть,
Не хочу я у вас воеводой жить.

Он встал на ноги, он вынул шелковую плетку о семи хвостах с проволокой, он стал гостей поколачивать да поворачивать, бьет и сам приговаривает:

На приезде гостя не употчивали,
А на поездинах да не учествовали, —
Эта ваша мне честь не в честь.

Всех до единого избил Илья, не оставил никого на семена.

Еще царь-то в ту пору, да в то времечко
Собольей шубкой закинулся, —
Илья-то тут — и был, и нет, —
Нет ни вести, ни повести,
Ныне и до веку.

Из последних слов видно, что Илья скрылся куда-то, и тем оканчивается о нем песня, напоминающая своим окончанием сказание о Марке-кравеиче и Фридрихе Барбаруссе.

Кроме богатырей, о которых мы так подробно говорили, есть и другие богатыри того же Владимирова времени; о них говорится в «Сборнике» Кирши Данилова. Скажем и о них; но отдавать такой же подробный отчет об этих богатырях мы не считаем нужным, ибо особенности их не выдаются в тех, по крайней мере, песнях, которые дошли до нас; вероятно, все это нашли бы мы в тех песнях, которые нам неизвестны; намеки на другие песни или рассказы о богатырях встречаются и здесь. Из всех других песен «Сборника» К<ирши> Д<анилова> видно, как все витязи, все удалые молодцы съезжались со всех сторон «к городу Киеву, ко ласковому князю Владимиру», и не только витязи, но и бояре и купцы богатые, да и все, кого только манил Киев и князь его, Владимир Красное Солнышко.

К Владимиру едет богатый Дюк Степанович. в своем серебряном куяке и панцире, в золотой кольчуге, с своими стрелами драгоценными, из которых трем стрелам цены нет.

Потому тем стрелам цены не было:
Колоты они были из трость-дерева,
Строганы те стрелы во Новгороде,
Клеены оне клеем осетра рыбы,
Перены они перьецом сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы камския.

В ушах у каждой стрелы вставлено по драгоценному камню; подле ушей перевито аравийским золотом. Сам Дюк молод и красавец; все гости Владимира дивились, глядя на него, когда явился он среди них на пиру княженецком. В рассказе о Дюке Степановиче виден также намек: ибо Владимир, оскорбленный тем, что Дюк осудил его пировое угощение, и приехав в его богатый дом с намерением (как можно догадываться) неприязненным, говорит Дюку:

Ко Владимиру едет и Михайло-казарин, почти так же, как и Дюк, богато вооруженный:

А и едет ко городу Киеву.
Что ко ласкову князю Владимиру,
Чудотворцам в Киеве молиться
И Владимиру-князю поклониться.

У Владимира на пиру сидит и Поток Михайло Иванович. Послал Поток Владимир настрелять ему гусей, белых лебедей, перелетных малых уток. Поток не пьет ни пива, ни вина, молится богу и идет вон из гридни. Скоро садится Поток на доброго коня; только его и видели, как он за ворота выскочил, а там

В чистом поле лишь дым столбом.

Исполнил Поток просьбу Владимира, настрелял птиц и хочет уже ехать от синего моря, — вдруг видит белую лебедь; она была через перо вся золотая, головка увита красным золотом и усажена скатным жемчугом. Взял Поток лук и стрелу, натянул лук,

Заскрипели полосы булатные,
И завывли рога у туга лука.

И только что спустить было ему калену стрелу, как заговорила белая лебедь: «Не стреляй меня, Поток Михайло Иванович; я, может быть, пригожусь тебе». Лебедь вышла на берег и вдруг обернулась красной девицей. Поток воткнул в землю копье, взял за белые руки девицу, целует ее в уста. Красная девица согласилась выйти за него замуж, опять обернулась лебедью и полетела к Киеву. Поток, не мешкая, поскакал туда же. Окончание этой песни напоминает известный рассказ из «Тысячи и одной ночи».

На богатырской скамье, в светлой гридне Владимира, сидит и Иван, гостинный сын, хотя он, кажется, и не богатырь; он добрый и простой малый. На пиру княженицком и Иван Годинович, также не называемый богатырем; его сватает Владимир на дочери Дмитрия, богатого гостя в Чернигове. На пиру у князя и Ставр-боярин. На пиру же сидят и Авдотья, жена Блудова (Блуда), и Авдотья, жена Чесова (Чеса). Сын первой Горден Блудович тоже не в числе богатырей, но, может быть, это только по ранней молодости, потому что Горден — могучий юноша. Он заступает за мать, оскорбленную на пиру Авдотьей, Чесовой женой, перебивает всех ее девять сы-

новой и потом женится на ее дочери, Авдотье Чесовичне. В Киев приходят и богомольцы, сорок калиж со каликою, на пути в Ерусалим; это песня высокого достоинства и весьма замечательна. Наконец к Владимиру приезжает богатый гость, Соловей Будимирович. Мы не говорим о нем, как и о других лицах Владимирова времени, подробно; задача нашей статьи: богатыри князя Владимира, но не весь мир его. Со временем, может быть, мы скажем о всей этой праздничной эпохе, также и о последующих, как представляются они в наших песнях. Песня о Соловье Будимировиче прекрасна; она начинается этими многозначными словами, которые могут быть эпиграфом к русской народной поэзии:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота — океан-море,
Широко раздолье по всей земли!

В этих стихах ставит себе размеры русский человек, —
и какие размеры!

— «Русская беседа», 1856, кн. 4, Науки, с. 1—67.

¹ К. Аксаков не совсем точен. Упоминаемые им песни (былины) были опубликованы в «тетрадах» — приложениях к «Известиям имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», которые имели самостоятельное название «Памятники и образцы народного языка и словесности. Издание II Отделения имп. Академии наук». В первых двух «тетрадах» (Спб., 1852—1853) было помещено 13 былин, в том числе об Илье Муромце, Алеше Поповиче, Добрыне Никитиче и других богатырях.

² Цитата из «Повести временных лет»: «Въ льто 6504...» — см.: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978, с. 140.

³ Там же.

⁴ Имеется в виду кн.: Древние российские стихотворения, собранные Кирдею Даниловым. Изд. 1-е. Спб., 1804; изд. 2-е. Спб., 1818. В дальнейшем — «Сборник» Кирши Данилова.

⁵ *Гермоген* (ок. 1530—1612) — патриарх Московский и всея Руси.

⁶ Имеется в виду Василий Иванович *Шуйский* (1552—1612) — избранный царем 19 мая 1606 г. и свергнутый 17 июля 1610 г.

⁷ *Козары* (хазары) — одно из кочевых племен, живших в VII—XI вв. на территории между Азовским и Каспийским морями.

⁸ Здесь и далее К. Аксаков цитирует тексты былин и песен в своей редакции. Разночтения с современными изданиями «Сборника» Кирши Данилова нами нигде не оговариваются.

^{8а} *Сорочины* — сарацины; сарацинами в средние века называли арабов. *Долгополые сорочины* — имеются в виду вообще народы Ближнего Востока, характерной одеждой которых были длинные («долгополые») халаты. *Алюторы* — по-видимому, имеются в виду алюторцы, одна из наиболее многочисленных народностей коряков, в настоящее время живущих на севере Камчатки.

⁹ *Кук* — доспех из кованых металлических пластинок, нашитых поверх одежды.

¹⁰ *Амазонки* — женщины-воительницы, героини античной мифологии; *Чешская Власка*, или *Власта* — легендарная предводительница чешских девушек в их войне с мужчинами (см. древнечешское предание о девичьей войне).

¹¹ *Тавлеи* — шахматы, шашки; *узорчатые* — резные, точеные.

¹² Это пояснение вызвано тем, что, цитируя «Песню про Ваську Казимировича», К. Аксаков заменяет в ней слово «робята» на «ребята».

¹³ «Песня про Добрыню Никитича», о которой говорит К. Аксаков, была опубликована в «Русской беседе», 1856, т. 1, Изящная словесность, с. 44—49.

¹⁴ *Коврига монастырская* — образное представление об огромной пельноиспеченной буханке хлеба, основанное на том, что в монастырях пекли хлеб несколько большего размера, чем в деревнях, из такого расчета, чтобы накормить не одну семью, а целую монастырскую братию.

¹⁵ То есть сотне.

¹⁶ *Иосиф Прекрасный и Пентефрия* — персонажи библейского мифа, в сюжете которого имеется эпизод о коварстве жены Пентефрия, пытавшейся погубить отвергнувшего ее любовь Иосифа.

¹⁷ Имеется в виду «Песня про Илью Муромца», помещенная в «Московском сборнике», т. 1. М., 1852, с. 344—351.

¹⁸ То есть выложенный камнем, брусчаткой.

¹⁹ То есть расщепила дерево на лучинки.

²⁰ Кинжал, кинжалище.

²¹ *Светлые гридни* — просторная комната, хоромы, зал в княжеском доме или специальная пристройка к нему для приема почетных гостей; первоначально *гридни* — помещение, предназначенное для гридней — привилегированной части княжеского войска, состоящей из наемников (представителей других княжеств или народов) знатного происхождения; такая форма службы была характерна для древнего Новгорода и Пскова. *Гридень*, *гридин* (старослав. *гряду+день*) — буквально: идущий или пришедший на день, на некоторое время. По своему положению гридни были ниже бояр, но выше тысяцких и дружинников.

²² Цветная шелковая ткань с узорами.

²³ Производное от слова «рот».

²⁴ В первом издании «Сборника» Кирши Данилова подвигам Ильи Муромца были посвящены три песни: «Калин-царь», «Первая поездка Ильи Муромца в Киев» и «Илья ездил с Добрыней»; во втором добавлена еще одна — «О станишниках, или разбойниках».

²⁵ Имеется в виду «Илья Муромец (народная сказка)», опубликованная в «Москвитянине», 1843, ч. 6, № 11, с. 7—16.

²⁶ *Брынью* в старину называли места, расположенные за Волгой севернее Костромы и Нижнего Новгорода (ныне г. Горький); следовательно, *Брынские леса* — глухие заволжские леса. Согласно другой точке зрения, *Брынь* — река южнее Калуги, впадавшая в Жнздру. Отсюда, *брынские леса* — глухие леса, расположенные на территории современной Калужской и Брянской областей, или просто — брянские леса.

²⁷ В действительности в тексте былины сказано: «*Крохи говенныя*» (см.: древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. М., «Наука», 1977, с. 138, 297).

²⁸ *Ищейка*, гончая собака.

²⁹ *Рустем* — герой поэмы *Фирдоуси А.* (ок. 940—1030) «*Шахнаме*».